

МЕЛЬНИКОВА
Ирина

вера, надежда, любовь

Невеста
ПО
НАСЛЕДСТВУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО»

Ирина Мельникова

Невеста по наследству

«ЭКСМО»

Мельникова И. А.

Невеста по наследству / И. А. Мельникова — «ЭКСМО»,

Анастасия Меркушева решает не подчиняться условиям завещания своего деда и бежит из дома за несколько часов до венчания в церкви с графом Сергеем Ратмановым. Граф вынужден жениться на ней, чтобы получить большое наследство. На постоялом дворе Настя встречает незнакомца, который представляется известным поэтом Фадеем Багрянцевым. Только ли желание оградить Настю от грядущих несчастий заставляет поэта отправиться вслед за ней, а может, совершенно другое чувство, совсем для него неожиданное? Да и тот ли он человек, за которого себя выдает?..

© Мельникова И. А.

© ЭКСМО

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ирина Мельникова

Невеста по наследству

Глава 1

Август 1902 года

Молодой граф Сергей Ратманов стоял на крыльце постоялого двора и с тоской взирал на низкие облака, скрывающие августовское небо, и на первые желтые листья, усыпавшие уложенную кирпичом дорожку, ведущую к конюшням. Холодный порывистый ветер, не свойственный этому времени года, врвался в каменную арку и, залихватски посвистывая, гонял по двору сердитых воробьев, забрасывая их сенной трухой, клочьями грязной соломы и потемневшими от дождя листьями.

Граф с ненавистью окинул взором постоялый двор, убожество которого он вынужден был созерцать с самого утра. Его изящная дорожная карета не выдержала недельной тряски по дорогам российского захолустья, и теперь местный кузнец с двумя помощниками пытались привести в порядок рессоры экипажа, но конца их трудам не предвиделось в ближайшие несколько часов.

Настроение молодого человека было под стать погоде, а скудость, грязь, закопченные стены придорожных трактиров и сутолока постоялых дворов, угнетавшие графа на протяжении всех дней путешествия, лишний раз напоминали о том, что блеск и веселье светской жизни утеряны для него если не навсегда, то по крайней мере на ближайший месяц. И находится он здесь по злой воле рока, вернее, по прихоти своей двоюродной бабушки – герцогини Гилфорд, которую Сергей никогда в своей жизни не видел, но эта далекая английская родственница умудрилась испортить ему жизнь даже после своей смерти.

Граф взглянул на свои шегольские сапоги, потерявшие былое великолепие, хотел было позвать лакея Яшку, чтобы тот подал ему новую смену одежды и чистую обувь, но вспомнил, что парень дрыхнет сейчас на конюшне, а возвращаться назад и будить лентяя означало окончательно испортить себе настроение. Сергей уже давно пришел к выводу, что большего прохвоста, чем Яшка, свет не видывал.

Ветер проник под сюртук, напомнив в очередной раз, что граф не на Лазурном берегу, а в родной Российской империи, на окраинах Саратовской губернии. А заодно и о том, что блестящий красавец, мечта юных барышень и молодых вдовушек, Серж Ратманов прибыл сюда с единственной целью – жениться, и жениться по расчету.

Как ему не хотелось сюда ехать! Он находил тысячи отговорок, чтобы затянуть отъезд, но сроки подталкивали в спину, и вот наконец он здесь, под этим свинцовым небосклоном, с сердцем таким же тяжелым, как эти угрюмые тучи над его головой, с разрушенными надеждами.

Граф глубоко вздохнул. «Последний глоток свободы», – усмехнулся он про себя. До имения «Вишневое» осталось чуть более двух верст пути, а затем несколько шагов по узкой тропе к зияющей пропасти «супружеского счастья и блаженства».

У графа не было планов жениться в ближайшее время, но, не обвенчавшись до конца сентября, то есть до дня своего рождения, он терял все права на половину наследства, оставленного ему Анной Гилфорд, в пользу какого-то весьма дальнего английского родственника. По мнению старшего брата графа, Андрея, этого кузена с редкой фамилией Смит надо было утопить, едва тот появился на свет, как самого ничтожного человека из всех живущих ныне на земле. Житель далекого Альбиона был большим любителем карт и за сорок лет своей бурной

жизни успел промотать не только собственное наследство, но и усадьбу жены, и приданое двух горемычных сестер, опекуном которых имел несчастье состоять.

Граф, конечно, понимал, что когда-нибудь он должен будет жениться. Он надеялся, что наступит тот подходящий момент, когда он позволит себе полюбить и любовь избавит его от тех неприятностей, которые, бесспорно, несет брак по расчету. А судить об этом он мог с полным основанием, исходя из плачевного опыта старшего брата.

Но годы проходили, пробегали, пролетали, а любовь так и не коснулась его сердца. И теперь эта женитьба, которую его неугомонная бабушка, считавшая своим священным долгом заботиться о внуках после смерти их родителей, затеяла ради сохранения так некстати свалившегося на него наследства, была тем самым возмездием, настигшим Сергея после десяти лет веселой и беззаботной светской жизни. Через несколько часов он обвенчается с незнакомкой, которой едва исполнилось девятнадцать лет, положит голову на семейную плаху и... прощайте, милые друзья, славные подруги! На всю жизнь закуют его в кандалы супружеского долга в угоду спятившей старухе, которая и по-русски-то разучилась говорить, но вспомнила вдруг о клятвах своей молодости, чтоб ей пусто было в тот момент!

Граф, что совсем не подобало молодому человеку его воспитания, шепотом выругался и опять глубоко вздохнул. Что ж, все в руках Провидения, и ему остается лишь уповать на его волю! Он решительно открыл дверь и замер на пороге, пораженный внезапно наступившей тишиной за своей спиной. Казалось, ветер неожиданно стих. Ржание лошадей в конюшнях, перебранка конюхов и смех прислуги, развешивающей выстиранное белье на заднем дворе, – все это вмиг куда-то исчезло, растворилось, замерло в непонятном оцепенении. Сергей медленно повернул голову, и в следующее мгновение словно вихрь ворвался во двор и разрушил таинство тишины.

Молодая всадница, уверенно сидевшая в седле, подлетела к крыльцу, потом, слегка натянув поводья, перевела лошадь на шаг и проехала мимо. Она остановила свою гнедую кобылу у конюшен, окликнула одного из конюхов по имени и, не обращая внимания на его протянутую в помощь руку, весьма ловко спрыгнула на землю. Ласково похлопав лошадь по крутому крупу, девушка велела поставить ее в конюшню. Взмыленные бока животного указывали на то, что молодая хозяйка довольно продолжительное время гнала его в запусты, не разбирая дороги, и теперь оно нуждалось в тепле, отдыхе и яслях с овсом по крайней мере до следующего утра.

Девушка шла по дорожке, края ее зеленой накидки разлетались в обе стороны. Она напомнила графу свежий молодой листок, занесенный непоседой ветром в эту жалкую и грязную обитель. Лицо ее еще не остыло от стремительной скачки, щеки полыхали румянцем, а кожа, цвет которой напоминал слегка притомленные сливки, даже на расстоянии казалась нежной и шелковистой.

Господи боже! Что за прекрасное видение явилось ему? Неужели судьба сжалилась над ним и подарила напоследок встречу с красивейшей из всех женщин, коих ему приходилось встречать в своей жизни!

Граф Ратманов, разинув рот самым неприличным образом, не мигая смотрел на приближающуюся к нему молодую женщину. В мгновение ока он забыл о своем тщательно отработанным годами упражнений, слегка прищуренном, полунасмешливом-полупрезрительном взгляде, который не выдерживали даже опытные светские дамы и после заходились в истерику в душных своих будуарах, понимая, что Серж Ратманов так и не поддастся их чарам. А эта совсем юная девушка лишь слегка подняла в удивлении красиво очерченные брови и с любопытством посмотрела на него, когда проезжала через двор. Теперь ей оставалось сделать не более десяти шагов до крыльца, и за это время графу требовалось решить нелегкую задачу: стоит ли выяснять, кто она и откуда? Женитьбе это не должно помешать, но, с другой стороны, он только сейчас отчетливо осознал, в какую пропасть толкает себя, согласившись на этот вынужденный скоропалительный брак.

Он перевел дух и почувствовал, как сердце словно остановилось на мгновение, а потом зачастило быстро-быстро, как язык у торговки рыбой на одесском Привозе, отчитывающей привередливую кухарку. Незнакомка, подобрав юбки, не задумываясь, легко перепрыгнула через небольшую лужу у крыльца и быстро вбежала по ступенькам. Преодолев неожиданную оторопь, граф посторонился и пропустил девушку. Она прошла совсем рядом, но у двери обернулась и взглянула на него. Прямой, без тени испуга взгляд, несомненный ум, светившийся в прекрасных зеленых глазах, окончательно заставили его забыть, что уже этим вечером он должен стать мужем Анастасии Меркушевой.

Граф медленно и несколько церемонно склонил перед ней голову и совершенно не удивился, когда она развернулась и направилась к нему. Очевидно, его изысканные манеры и загадочное выражение, которое он тут же попытался придать своей физиономии, произвели определенное впечатление и на это неискушенное создание.

А девушка была очень молода, это он отметил при ближайшем рассмотрении и тут же забыл о своих уловках, а все тягостные и смутные мысли стремительно, будто птенцы из гнезда, выпорхнули из головы, и лишь одна продолжала настойчиво биться в голове: «Почему она так спешила? Неужели бежит от кого-то?»

Губы девушки шевельнулись, она что-то говорила ему, но искусенный жизнью молодой граф тем не менее стоял как последний болван и молча созерцал ее дивное лицо – заключенные в правильный овал прекрасно очерченные скулы, прямой, возможно, чуть-чуть короткий, чтобы считаться исключительно правильной формы, носик, почти совершенные, еще по-детски припухлые губы. И, как драгоценные изумруды, редкой красоты глаза, смотрящие на него с некоторым недоумением. Девушка опять что-то сказала и подошла к молодому человеку еще ближе, не понимая, почему тот так упорно не отвечает ей.

Но Сергей Ратманов лишился не только слуха: он оказался на грани того, чтобы окончательно потерять голову, ибо был полностью захвачен созерцанием этих дивных губ и размышлением, многим ли молодым людям было позволено поцеловать это небесное создание?

Звук, родившийся в нежном горлышке, наконец достиг графских ушей и был подобен журчанию ручейка или нежному пению волшебной пастушьей свирели... Граф встрепенулся. Что она все-таки сказала?

– Сударь, вы случайно не глухонемой? – Девушка быстро взмахнула перчаткой у него перед глазами и с облегчением вздохнула. – Ну, то, что не слепой, это точно! – И требовательно повторила, очевидно, уже не в первый раз свой вопрос: – Вы понимаете, о чем я спрашиваю? Или вы иностранец и ни бельмеса не смыслите по-русски?

– Понимаю, сударыня, – ответил граф со смущенной улыбкой. – Простите меня великодушно за столь откровенное разглядывание, но ваша красота не только лишила меня дара речи, но и слуха.

Девушка скептически усмехнулась и обвела его насмешливым взглядом.

– Не говорите глупостей, сударь, то, что мы видим глазами, не способно помешать нам слышать, говорить или осязать что-либо. – Она нервно ударила небольшой кожаной плеткой по ладони, с очевидным смятением во взоре посмотрела на окна второго этажа, потом оглянулась на конюшню. Незнакомка явно волновалась, а новый ее вопрос поверг графа в состояние легкой паники.

– Скажите, вы случайно не граф Сергей Ратманов? – Она перешла на шепот. – Мне необходимо это знать. Простите за дерзость, но я вижу, что вы приехали издалека, а в нашей округе я всех знаю. Граф должен сегодня появиться, и мне надо срочно с ним поговорить. Так скажите же, не молчите, как пень! – Она гневно встряхнула головой, отчего капюшон накидки слетел с ее головы, явив свету тщательно уложенные в модную прическу великолепные темно-каштановые волосы.

Холодный ветер, вероятно, проник под легкую накидку, отчего девушка, пожившись, запахла ее плотнее. Господи, она опять смотрела на него! Мысли графа окончательно разбежались в разные стороны. О чем она его все-таки спросила? Как его зовут? Но он, черт побери, совсем запамятовал и свое имя, и причину, по которой оказался в этой глуши, вдали от хороших дорог и прочих благ цивилизации... Поэтому, когда он вновь заговорил, то попытался избежать ответа на ее вопрос:

– Позвольте проводить вас в гостиницу, там намного теплее.

Сергей учтиво посторонился, пропуская девушку вперед. Мгновение она колебалась, но затем решительно шагнула через порог в открытую им дверь и быстро прошла по коридору в трактир.

Кто же эта прекрасная незнакомка? Возможно ли встретить богиню в этой богом забытой Тмутаракани? А если это любовь и Провидение впрямь позаботилось о ее своевременном появлении?

Девушка тем временем скинула накидку и повесила ее на сгиб правой руки, а левой поправила волосы. В сумраке прихожей ослепительно блеснул белый атлас платья, усыпанный жемчугом, и граф почувствовал, как молниеносный удар словно пробил его сердце. Сергей замер, на лбу выступил холодный пот. Силы небесные! Наконец-то он, остопок этакий, догадался, кто стоит перед ним!

И никакая это не богиня, а его собственная невеста с пятнами грязи на подоле подвенечного платья с удивлением наблюдала, как вытягивается лицо смуглого красавчика, который на первых порах показался ей полнейшим идиотом. Чтобы прервать этот несколько затянувшийся процесс и придать лицу незнакомца исходные параметры, Анастасия строго взглянула на него и быстро прошла в обеденный зал.

Граф в полной растерянности проследовал за девушкой, теперь уже окончательно не понимая, как ему поступать в дальнейшем. Надо же быть таким олухом, чтобы не узнать собственную невесту! А ведь бабушка показывала ее фотографию, а один из его друзей, оказавшийся как-то в Москве два года назад на одном из балов, где в первый и последний раз появилась Анастасия Меркушева, описал ее довольно точно. Но Сергей тогда предполагал, что друг преувеличивает ее красоту, дабы успокоить его: какой мужчина не опасается, что его нареченная окажется уродиной? Да и фотография, на которой она выглядела весьма хорошенькой, вполне могла оказаться делом рук ловкого ретушера.

Но, оказывается, его приятель абсолютно точно описал портрет девушки, а фотография не воспроизводила и десятой доли редкой красоты, очарования и того сияния молодости и чистоты, которыми лучилось лицо будущей графини Ратмановой. Всего лишь раз она одарила его слабым подобием улыбки, а он уже мечтает о том, как прильнет в поцелуе к этим нежным губам...

Однако!..

Граф перевел дух, и вдруг словно пелена спала с его глаз. Нет, это неслыханно! Внезапная вспышка гнева заставила его очнуться от сладостных грех и трезво оценить ситуацию.

Похоже, его здесь ни во что не ставят, иначе как можно объяснить появление его невесты на этом грязном постоялом дворе за несколько часов до свадьбы в подвенечном платье? Платье безнадежно испорчено, а в имении уже наверняка обнаружили ее исчезновение. Это скандал! Сергей представил реакцию Андрея, который верхом уехал в «Вишневое», чтобы предупредить о непредвиденной задержке, и чуть не схватился за голову. Тихая ярость росла в нем, как столбик термометра, приближаясь к точке кипения, и он с трудом сдержался, чтобы не взорваться, как переполненный паровой котел. Что себе позволяет эта юная особа! Неужели она и ее мать думают, что он с восторгом примет в свои объятия невесту, которая исчезает из дома за несколько часов до венчания и, ничуть не заботясь о подвенечном платье, на всем

скаку преодолевает лужи? А их на ее пути, если судить по грязным разводам на подоле, было никак не меньше сотни...

Но что заставило ее так спешно отправиться в неблизкий путь? И уже новая догадка пронзила его сердце, а столбик термометра стремительно скользнул вниз, и нестерпимый холод проник в душу графа. А что, если эта решительная девица затеяла побег с любовником, который дожидается ее теперь где-нибудь поблизости? Не зря же она то и дело пробегала взглядом по окнам второго этажа? Нет, не похоже! Зачем бы ей в таком случае искать встречи с женихом? Не проще ли исчезнуть под шумок, оставив его в полных дураках? Не-ет, слишком многое было поставлено на карту со стороны двух семейств, и она, как единственная наследница, должна понимать, чего лишится, если откажется выйти за него замуж. А если все-таки он ошибается?

Только теперь ему пришло в голову, что девушке, вполне возможно, тоже не по душе положение, в котором она оказалась по вине выживших из ума стариков, и она совсем не горит желанием идти с ним под венец. По крайней мере уже с первых минут знакомства он понял, что эта юная особа, несмотря на ангельскую внешность, весьма решительна, прямолинейна и не скрывается под маской фальшивой скромности. В другой ситуации он мог бы посчитать это несомненным достоинством, будь она совершенно *посторонней женщиной*, но с позиции будущего супруга подобный расклад вещей ему совсем не нравился. Неужели девушка настолько своенравна и капризна, что личные интересы заслонили все преимущества этой сделки, и не намерена ли она вести себя подобным образом после свадьбы? Неужто она собирается постоянно вмешиваться в его жизнь, в его дела и развлечения? Нет, этого он никогда не допустит! Слишком дорого он заплатил за наследство, чтобы отказать себе в маленьких радостях на некотором удалении от семейного очага.

Граф с досадой передернул плечами. Разве позволит он своей невесте в заляпанном грязью платье предстать перед многочисленными гостями, которые уже целую неделю съезжаются на эту сенсационную свадьбу, о которой гудит, завистливо шипит и ехидно ухмыляется бомонд обеих столиц. Новость о баснословном наследстве герцогини Анны Гилфорд облетела, похоже, весь земной шар и, воспроизведенная на страницах газет, несказанно удивила старую графиню Ратманову, бабушку Андрея и Сергея. Светские сплетники раздули состояние ее недавно скончавшейся сестры до небывалых размеров, и теперь оно выражалось в цифре со многими нулями. А не известное доселе никому имя Анастасии Меркушевой, неожиданной невесты одного из самых богатых женихов России, стало нарицательным, означающим головокружительную удачу...

Пока граф пытался привести в порядок свои чувства и мысли, его невеста прошла в зал и решительно отдернула в сторону синий полотняный занавес, за которым оказалось нечто вроде отдельного кабинета, очевидно, для наиболее почитаемых посетителей. Девушка, не оглянувшись, молча шагнула вовнутрь и села за квадратный стол, покрытый неожиданно чистой льняной скатертью. Граф последовал за ней. В то же мгновение к ним подскочил половой, но Анастасия лишь повела бровью, и парень моментально исчез.

Девушка подняла глаза на молодого человека, которого до сей поры никогда не видела, но по непонятной причине обратила на него свое внимание и даже прониклась некоторым доверием. Она едва заметно вздохнула. Почему-то ей совсем не хотелось, чтобы этот привлекательный мужчина оказался тем самым ненавистным ей женихом, с которым она решила встретиться на нейтральной территории перед свадьбой, чтобы убедить его в недопустимости претворения в жизнь той дикой затеи, которую задумали ее дед и его бабка...

Она вновь посмотрела графу в глаза и весьма напористо спросила:

– Так вы граф Ратманов или я заблуждаюсь?

Граф встряхнул головой, избавляясь от наваждения. Один вид ее обнаженных плеч и несколько низкое для невинной невесты декольте взволновали его настолько, что он почти

ощутил, как его пальцы касаются нежной кожи, скользят от шеи к груди и опускаются в маленькую ложбинку, замаскированную букетиком искусственных подснежников.

– Выходит, я не ошиблась, – со вздохом облегчения проговорила девушка. – Вы не граф Ратманов.

Граф несказанно удивился подобной фразе. Очевидно, она приняла его движение головой за отрицание. Он набрал воздуха в легкие, чтобы высказать своей непутевой невесте все, что он думает по поводу ее совершенно безрассудного поступка. Но слова застряли у него в горле, так что ему ничего не оставалось, как разразиться оглушительным кашлем в ответ на ее следующий вопрос:

– А вы случайно не его друг – господин Багрянцев?

– Да! – быстро ответил Сергей и опять закашлялся. Толстый и ленивый Фаддей отлежался сейчас в постели в комнате на втором этаже после утомительного путешествия, в которое сам же и втянул графа. Его тонкая поэтическая натура не выдержала тягот странствий по проселочным дорогам. Золотые нивы, которые он так трогательно и лирично описывал перед отъездом, были серы и унылы, прибиты к земле дождем и ветром. Вместо пения жаворонка их всю дорогу сопровождало надсадное карканье ворон, лай деревенских собак да крики и ругань Яшки, который несколько раз слетал с облучка от тряски по отечественным кочкам и колдобинам. Кучер весело хохотал, Андрей усмехался, а Фаддей, тупо уставившись в окно полусонным и оттого туманным взором, пытался настроить Сергея на очередное созерцание красот природы, но тут же засыпал и начинал оглушительно храпеть, мешая братьям не только сосредоточиться на собственных мыслях, но и обсудить кое-какие накопившиеся за время поездки вопросы.

Андрей уже неоднократно корил брата за столь опрометчивое решение отправиться в имение Меркушевых в карете, гораздо проще было доехать до Нижнего Новгорода поездом, а там нанять дорожный экипаж. Этот вариант на целых три дня сокращал путешествие, но Сергей все рассчитал так, чтобы увидеть свою невесту непосредственно перед тем, как отправиться в церковь. Чтобы не мучиться долго, как объяснил, глубокомысленно наморщив при этом лоб, Фаддей...

– Да! – теперь уже более решительно произнес граф.

Ну вот, какой черт занес его вдруг на эти галеры? И кто его тянул за язык выдавать себя за толстого увальня, которого и в Москве, и в Петербурге каждая собака знает.

– Я Фаддей Багрянцев, друг графа Ратманова. – Он слегка насмешливым взглядом оглядел неизвестно почему зардевшуюся невесту и мысленно перекрестился: ну теперь куда кривая вывезет! Мосты сожжены, но, возможно, получится узнать, что привело его неподражаемую красавицу невесту в этот грязный кабак на первом этаже дожившего до дряхлого возраста постоялого двора.

Глава 2

Граф Ратманов смотрел, как тонкие пальцы его невесты перебирают край накидки, вышитой зеленым шелком более темного цвета. Небольшая морщинка между девичьих бровей говорила о том, что она серьезно озабочена. Сергей окинул взглядом ее хрупкую фигурку, и сердце его неожиданно сжалось. Впервые в жизни ему захотелось взять женщину на руки, сжать в своих объятиях и защитить от тех огорчений и невзгод, которые вдруг обрушились на ее худенькие плечи.

Девушка продолжала молчать. Взгляд ее, несколько рассеянный, скользил то по затоптанному деревянному полу, то по сапогам Сергея, отчего он постарался спрятать ноги под стол. Затем Анастасия машинально принялась наматывать на палец шелковую нитку, нисколько не заботясь о том, что тем самым уничтожает красивый орнамент, украшавший ее накидку. Граф хотел предупредить ее об этом, но его невеста в последний раз остановилась взором на черно-белой кошке, вольготно развалившейся на подоконнике низкого окна среди пышных зарослей герани и фуксии, и подняла глаза на своего нового знакомого. Морщинка между бровей разгладилась, и она произнесла строго и решительно:

– Я прошу вас, господин Багрянцев, уделить мне несколько минут. Я читала некоторые ваши стихи, э-э... – Она слегка замялась, а граф усмехнулся про себя. Неужели она пытается подобрать слова, чтобы выразить свое восхищение той галиматьей, которая называлась «стихи Фаддея Багрянцева». Парочку его перлов о розах, любви и слезливых томлениях романтической души он прочитал впервые лет семь назад, и с тех пор его никто не заставил бы читать подобные «розовые слюни», как их весьма справедливо называл Андрей. Но девушка, похоже, решила не касаться столь щепетильной темы и не курить фимиам человеку, которого она впервые в жизни видит.

– Господин Багрянцев, – она оставила в покое накидку, но зато вытащила из ее кармана тонкий кружевной платочек и принялась тискать его в ладонях, – я наслышана о вашей порядочности и джентльменском отношении к дамам. (Граф едва удержался, чтобы не хмыкнуть по этому поводу.) Вы человек здравого ума, и мне будет ценно ваше мнение. Я оказалась в крайне затруднительном, если не сказать в отчаянном, положении, и мне нужен ваш совет.

– А вы уверены, что можете довериться мне, ведь, по сути дела, мы с вами совершенно незнакомы? – спросил граф строго и с явным намеком на то, что этого как раз и не следует делать.

Но девушка, кажется, вовсе не обратила внимания на тон, с каким были произнесены эти слова. Она опять глянула на окно, на котором все та же кошка усердно намывала гостей, и, закусив нижнюю полную губку, ответила:

– Я сейчас в безвыходной ситуации, и рядом со мной не оказалось человека, у которого я могла бы попросить совета и убедиться в правильности моих намерений. Но вы производите впечатление человека открытого и доброжелательного, что уже само по себе располагает к доверию. Я рассчитываю на вашу порядочность и надеюсь, что все, о чем мы с вами будем говорить, не распространится дальше этих стен. – Анастасия вздохнула и вдруг, перекрестившись, прошептала: – Господи, что же я все-таки делаю? – Девушка протянула руку и положила ее поверх мужской ладони. – Я не задержу вас слишком долго, вскоре сюда доставят мои вещи, а до этого времени я должна окончательно решить, что мне делать дальше. Мне нужно знать, насколько я права, поступая подобным образом.

«Вещи? Какие еще вещи?» – удивился про себя граф, но тут его мысли переключились на то, как не допустить, чтобы девушка убрала свою руку. И Сергей поспешил накрыть ее своей второй ладонью, полностью отдавшись необычному ощущению, вобравшему в себя и нежность, и умиление, и восхищение, и радость. Подобное чувство он испытывал впервые

и поэтому так и не смог подобрать точного определения тому состоянию, которое обычно называют щенячьим восторгом. Тепло ее пальцев растопило ледок, сковавший его душу при мысли, что его невеста замыслила нечто такое, что способно привести к самым непредсказуемым последствиям. Но разве мог он противиться ее просьбе? Поэтому он лишь слегка сжал ее руку, приглашая продолжить разговор. Девушка улыбнулась в ответ так открыто и доверчиво, что сердце графа окончательно растаяло, а гнев и негодование, вызванные ее сумасбродным поведением, уступили место любопытству и желанию узнать, в чем же состоит ее *отчаянное положение*.

Ну, что ж, какова бы ни была ее вина, в конце концов, она не смертельна, и он незамедлительно простит ее, как только она расскажет о своих затруднениях, и, несомненно, откроет ей правду, кто он на самом деле. А пока следует выслушать все, что его невеста собирается поведать милому, безвредному, бесхитроственному и чувствительному Фаддею Багрянцеву.

– Я к вашим услугам, Анастасия.

– Но откуда вы знаете, кто я? – Девушка выдернула свою руку из его ладоней и вскочила на ноги. – Я, кажется, не называла своего имени?

– Не полагаете же вы, что об этом трудно догадаться? Вряд ли отыщется еще одна столь обворожительная девушка в подвенечном платье, которая интересовалась бы графом Ратмановым, не будучи его невестой.

– Да, да, вы правы, – вздохнула девушка и вновь опустилась на стул. – Выходит, вы сразу же знали, кто я?

Граф едва заметно усмехнулся и, руководствуясь негласной инструкцией завязтых сердецедов, ответил:

– Я выглядел бы откровенным глупцом в ваших глазах, если бы тотчас не догадался об этом. Граф Ратманов говорил мне, сколь прекрасна его невеста и сколь разумна, – он попытался голосом подчеркнуть последнее слово, но девушка опять не обратила на это никакого внимания. Взгляд ее вдруг изменился, и она подозрительно посмотрела на высокого красивого мужчину, наружность которого никак не вязалась с ее представлением о внешнем облике поэтов. Где эта золотистая кипень кудрей, где бледность щек и томный взгляд?

Сидящий напротив нее молодой человек был крепким, широкоплечим, хорошо загоревшим, а его аккуратно подстриженные по последней моде темно-русые волосы совсем не напоминали воронье гнездо на головах ее парижских приятелей, мнивших себя литературными гениями. Неужели этот человек автор идиотских стихов, которые она высмеяла накануне в кругу подруг матери, закатывающих глаза от предвкушения встречи с неподражаемым Фаддеем Багрянцевым. И хотя ее новый знакомый совсем не вписывался в образ изможденного романтическими бреднями или модернистскими изысками молодого поэта, она уже сделала первый шаг, теперь предстояло сделать второй... Но прежде следовало поставить на место этого самоуверенного Орфея, с необычайно яркими голубыми глазами, смотревшими на нее с некоторой долей нахальства и язвительности.

– Ради бога, господин Багрянцев, оставьте ваши амуры! Я вас насквозь вижу, и я не из тех слезливых барышень, которым вы посвящаете свои стихи. – Девушка с вызовом посмотрела на собеседника и продолжала, несколько уменьшив порцию яда в своих словах: – Я нуждаюсь в практическом совете, и мне некогда амурничать, когда вот-вот появится мой жених. А я вовсе не горю желанием видеть его и объяснять, почему я оказалась здесь.

Теперь настала очередь графа вскочить со своего места.

– Но всего несколько минут назад вы хотели поговорить с ним? – воскликнул он.

– Этого времени мне хватило, чтобы передумать, – довольно прямолинейно ответила Анастасия. – Надеюсь, его сиятельство переживет сообщение, что я раздумала выходить замуж. Я не лошадь, на которую достаточно набросить узду и она поскачет в нужном направлении. Поэтому сегодня я уезжаю на прииски в Сибирь. Там у меня много дел, а граф пусть ищет себе

другую невесту, время у него еще есть, и потеряет он при этом немного, всего лишь половину того, что ему завещала герцогиня.

– Но вы-то лишаетесь гораздо большего! Насколько я знаю, ваш дедушка поставил более жесткие условия: вы полностью теряете права на его наследство, если не выйдете за графа!

– У меня достаточно средств, которые мне оставил мой отец, и, кроме того, у меня есть несколько перспективных золотых и железных рудников, которые, надеюсь, не дадут умереть мне с голоду.

– Вы сошли с ума! – прошептал потрясенный граф. – Я никак не ожидал, что невеста моего друга способна на подобное безрассудство!

– Ваш друг отъявленный повеса и бездельник! – Девушка рассмеялась, глядя на ошеломленного подобным заявлением Сергея, и уже более серьезно добавила: – Мне все уши прожужжали о его любовных победах, боксерских поединках и купаниях в море с кордебалетом Мариинки. Но о чем я говорю, вы, судя по всему, являетесь обязательным участником забав этого великовозрастного лоботряса.

Граф был сражен наповал. Он не был готов к подобному повороту событий. Анастасия обезоружила его своей красотой и доверчивостью и вдруг нанесла такой удар, который был не просто неожиданным, он был убийственным. Но тем не менее он сумел взять себя в руки и даже улыбнуться в ответ на ее не слишком лестное замечание в его адрес.

– Даже не знаю, – сказал он, – сердиться ли мне или, наоборот, благодарить тех, кто постарался предупредить вас об опасностях, которые подстерегают молодую и неопытную девушку при встрече с таким прожженным мерзавцем, как мой друг.

– Вы шутите или я права в своих предположениях? – спросила девушка. – Слухи о нем весьма противоречивы, кое-кто отзываясь о нем как о порядочном и честном человеке. Достаточно одного – он не хочет этого брака, а я не могу жить с мужем и помнить всю жизнь о том, что он вынужден был жениться на мне. Я намерена отказаться от подобного счастья и хочу передать вам письмо, в котором объясняю графу причину своего нежелания выходить за него замуж.

– Но Сергей хочет этого брака, я сам неоднократно слышал, как он говорил своему старшему брату: «Я хочу жениться на Анастасии Меркушевой, чего бы это мне ни стоило!», а недавно он зашел ко мне и более часа рассказывал о вашей несравненной красоте, уме, образованности...

Девушка быстро посмотрела на него и тут же отвела взгляд.

– Вы слишком легко об этом говорите, господин Багрянцев, – сказала она тихо. – Боюсь, что вы только упрочили мои подозрения о графе Ратманове.

– Вы полагаете, что я вас обманываю?

– Нет, я надеюсь, что вы порядочный человек, но вы слишком уверенно об этом сказали, не задумываясь ни минуты. Так говорят, когда хотят убедить человека в обратном.

– Возможно, вы правы. Но я, как ближайший друг вашего жениха, чувствую себя крайне неловко в той ситуации, в которой оказался, откликнувшись на вашу просьбу... – он не успел договорить. Дверь распахнулась, и в трактир ввалился здоровенный парень с веснушчатым лицом и курносый носом. Он радостно улыбнулся, завидев Анастасию.

– Все готово, барышня! Вещи я привез, как договаривались! – И он подал девушке небольшой саквояж. – А дома после вашего отъезда что творится, не приведи господь! Барыня велела всю усадьбу обыскать, по всей округе лакеи верхами рыщут, пытаются вас найти. Ульянка ревом ревет, что вас прозевала. С трудом удалось мне улизнуть. – Тут парень заметил графа, отошедшего к окну, и, скорчив многозначительную гримасу, прошептал: – А это ненароком не ваш ли жених, барышня?

– Успокойся, не он, – девушка оборвала слишком любопытного слугу. – Спасибо тебе, а сейчас отправляйся домой и смотри, ни слова, что видел меня здесь!

Парень исполнил движение, отдаленно похожее на поклон, и, бросив еще один любопытный взгляд на незнакомого барина, скрылся за дверью.

– Теперь я вижу, что вы настроены весьма решительно, – Сергей подошел к Анастасии, взял из ее рук саквояж и поставил на лавку возле стены. – И это все ваши вещи?

Девушка нахмурилась, отвернулась от него, подошла и села рядом с саквояжем, но вдруг закрыла лицо руками и тихо заплакала.

Граф ощутил неодолимое желание обнять ее, поцеловать, успокоить. Но Анастасия неожиданно рассмеялась и, приложив на мгновение платок к глазам, улыбнулась.

– Только не думайте, что я плачу из-за вашего друга. Я не из тех глупых наседок, что только и мечтают поскорее выскочить замуж.

Девушка поставила саквояж на колени, открыла его, быстро заглянула вовнутрь и тут же захлопнула. Молча накинула накидку на плечи, прикрыла капюшоном свои чудесные волосы.

Сергей тем временем решал, стоит ли ему признаваться в том, кто он на самом деле, так как все указывало на то, что его невеста вот-вот покинет стены постоянного двора. А этого он ни в коем случае не хотел допустить. Но вместе с тем он еще не узнал, почему она решилась на подобный поступок, что такое сверхпредосудительное услышала о нем, что решилась совершить побег, поставив тем самым под угрозу свое и его будущее. В какой-то момент ему пришла в голову мысль, что он совсем не желает искать себе другую невесту, хотя Анастасия Меркушева, насколько он сумел понять, вовсе не была подарком судьбы, как он смел надеяться в первые минуты их знакомства.

Девушка достала зеркальце и быстро промокнула вновь набежавшие слезы. Граф подвинулся к ней ближе, взял из ее рук платочек и бережно вытер слезинку, только что сорвавшуюся с ее ресниц и оставившую влажный след на щеке.

– Вы рассказали мне, что ваших ушей достигли весьма нелестные слухи о его сиятельстве. Думаю, сплетники хорошо постарались, чтобы уведомить вас о похождениях моего друга, истинных и мнимых, особенно когда стало известно о сумме его наследства. Я прав в своих подозрениях?

Анастасия глубоко вздохнула. Очевидно, этот разговор ей был крайне неприятен. Граф отметил, как внезапно побледнели ее щеки, но девушка мужественно выдержала его испытующий взгляд и ответила, чуть-чуть нахмутив брови:

– Да, мне пришлось услышать такое, что, будь вы на моем месте, господин Багрянцев, незамедлительно задумались бы о том, не совершаете ли ошибку, выходя замуж за подобного... – Она замолчала, словно не решилась произнести слово, которое в полной мере могло бы обозначить поведение непутевого графа, но потом продолжала: – Его похождения просто отвратительны. Но и это еще не все: ходят слухи, что он... что у него до сих пор... есть любовница. – Девушка побледнела еще больше. – Я не желаю, чтобы обо мне судачили в свете и откровенно хихикали за спиной, когда я выйду замуж. Я прекрасно понимаю, что в основе нашего брака будет лежать лишь голый расчет, но вместе с тем я рассчитываю на уважение, которое проявит ко мне мой будущий муж. За те деньги, которые он получит благодаря мне, я не смогу купить его любовь, но я не желаю быть бессловесной игрушкой в его руках.

«Да уж, – подумал про себя граф, – ты, милочка, похоже, и черта заставишь под свою дудку плясать!» – Но вслух спросил, постаравшись выразить голосом весь свой гнев и негодование по поводу услышанного:

– У графа есть любовница?! Нет ничего гнуснее сплетен и слухов, милая Анастасия, и не надо слепо верить им.

Сергей был в некоторой растерянности. Осведомленный о способностях светского общества обглаживать до костей любую жертву, он даже не подумал о том, что найдутся доброхоты, которые посмеют сообщить его будущей супруге, что ее нареченный отъявленный донжуан. Но кто же оказался настолько жестоким, настолько низким человеком, чтобы подобным обра-

зом помешать их свадьбе? Он мог назвать дюжину известных ему в свете услужливых него- дяев. Граф Ратманов с неподдельной горечью подумал, что число его тайных недоброжелате- лей вообще не поддается счету.

И самое главное, что это не имело ничего общего с действительностью. В это было трудно поверить, но у него никогда не было любовниц. Короткие, ни к чему не обязывающие связи, ровно столько, чтобы быть всегда в форме, и никаких содержанок! Многие его друзья, не успев моргнуть глазом, оказались в весьма неприглядном положении. Алчные красотки ставили их на грань разорения, выживая деньги, требуя все новые и новые наряды, украшения и драго- ценности.

– Я слышала, он сильно любит эту женщину, – прошептала Анастасия, не поднимая глаз. – Говорят, она красива и умна. – Девушка попыталась встать с лавки, но граф удержал ее.

– Не спешите, дорогая! Даю вам слово, что граф Ратманов еще не скоро здесь появится, а до этого я постараюсь развеять ваши сомнения и отвезу вас в имение.

– Домой я не вернусь! – Девушка упрямо посмотрела на того, кого считала приятелем своего жениха. – Я своих решений не меняю, и мне не нужен этот чертов кот в мешке по имени граф Ратманов!

«Ну, если уж кто-то из нас и является котом в мешке, так это ты, голубушка!» – подумал Сергей, но вместе с тем постарался выдавить из себя улыбку и как можно доброжелательнее попросил:

– Ради бога, не спешите, иначе вы сделаете непоправимую ошибку. Честно говоря, я впервые от вас услышал, что у графа есть любовница...

– Никогда в это не поверю! – воскликнула Анастасия и смерила его взглядом. – Зря я к вам обратилась. Вы же друг графа и из чувства локтя не выдадите своего приятеля. – Она решительно встала и подхватила свой саквояж. – Прощайте, господин Багрянцев. Меня ждет экипаж.

– Какой еще экипаж! – вскричал граф и схватил ее за руку. – Вы не можете просто так уехать!

– Еще как могу! – с вызовом ответила девушка. – Вот только переоденусь в более подхо- дящее для дороги платье и уеду отсюда. – Она высвободила свою руку из его пальцев и быстро прошла к дверям. На пороге остановилась, достала из кармана накидки небольшой конверт и подала его молодому человеку. – Прошу вас, передайте это графу. Здесь я все объясняю, а на словах скажите, что я не хочу обходиться малым. Мне нужно все или ничего! – Она горделиво вздернула подбородок и перешагнула через порог.

Граф медленно проводил взглядом высокую грациозную фигурку своей невесты, с яр- стью скомкал конверт и сунул его в карман сюртука. Потом со всех ног бросился на второй этаж, где уже три часа подряд отсыпался настоящий Фаддей Багрянцев.

Глава 3

Поэт лежал, задрал ноги на спинку кровати, и листал журнал двухлетней давности, который он обнаружил на подоконнике. Увидев графа, он быстро сел на постели и с удивлением уставился на взволнованного приятеля.

– Что случилось, Сережа? Война или землетрясение? – спросил он.

– Оставь свои дурацкие шуточки, Фаддей! Я попал в чертовски неприятную ситуацию! Минуту назад внизу, в трактире, я разговаривал со своей невестой и в силу обстоятельств назвался твоим именем...

– О боже! Она что же, не узнала тебя?

– Естественно, не узнала, – недовольно проговорил граф. – Но дело не в этом. Эта девица совсем не то ангельское создание, о котором мне твердили родственники на протяжении последних двух месяцев. Она весьма эмансипирована и, похоже, не так сговорчива, как мне ее представляли.

– И в чем же она несговорчива?

– А хотя бы в том, что не желает выходить за меня замуж. Ты бы видел, в каком виде она появилась на постоялом дворе: верхом на лошади, в заляпанном грязью подвенечном платье!.. И я не смог отказать себе в удовольствии предоставить ей свою жилетку, в которую она с наслаждением поплакалась!

– И что же она тебе наплакала?

– Многое, но главное, что я не сумел убедить ее вернуться домой. Дело в том, что кто-то сообщил ей, что у меня якобы имеется любовница, и гордая Анастасия решила взбрыкнуть, как норовистая лошадка, и умчаться к черту на рога, куда-то в Сибирь, подальше от постылого жениха.

– Интересная картина получается, братец мой! Ты что же, втайне от меня кого-то себе завел?

– Знаешь, не так бы обидно было, если бы завел, но выслушивать несправедливые обвинения – это выше моих сил! – Сергей устало опустил на стул. – Но видел бы ты ее, Фаддей! Она действительно очень красива, просто потрясающе красива!

– О! – Фаддей с веселым изумлением уставился на приятеля. – Уж не влюбился ли ты в нее?

– В это своенравное, капризное и непредсказуемое создание? Да упаси бог! – вскрикнул граф в негодовании и даже привстал со стула. – Разумеется, нет. Более того, я намерен сейчас применить силу, посадить ее в свой экипаж и доставить в имение матери. И там, на месте, уже будем решать, что делать дальше. Возможно, я и сам откажусь жениться на ней. – И тут молодой человек подумал, что любая из знакомых ему женщин готова была бы любой ценой не упустить шанс стать женой графа Ратманова, несмотря на его репутацию Казановы, но только не та, которую ему послало Провидение и, словно в насмешку, тут же пытается отобрать! Ну, нет, черт возьми! Не на того напали, сударыня!

Минуту граф задумчиво смотрел в окно, потом вскочил со стула и решительно запахнул плащ.

– Нет, Фаддей, я передумал! Я еду с ней! Она решила сыграть со мной злую шутку, ну и я не останусь в долгу!

– Ты что задумал, сумасшедший? – Фаддей встал с постели и с испугом в глазах наблюдал, как его приятель хватает свои вещи и запикивает их в портплед. – У тебя же только два часа в запасе, чтобы успеть к венчанию!

– К венчанию без невесты? Представляешь, какой повод появится у нашей знати хохотать до упаду?

Сергей проверил, на месте ли бумажник, потом подошел к ошеломленному приятелю, молча достал из его внутреннего кармана портмоне, так же молча опорожнил его, возвратил хозяину и только тогда соизволил пояснить свои действия:

– Деньги я тебе скоро верну. А сейчас я решил ехать вместе с ней. И даю тебе слово, что еще до Москвы она будет моей...

– Но зачем такие сложности, Сережа? – прервал его Фаддей. – Скоро вы обвенчаетесь, и твоя невеста и так станет...

– Моей женой? Но ты не понял меня, дорогой! Я никогда не женюсь на ней. Я сделаю Анастасию Меркушеву своей любовницей, причем она сама бросится мне на шею, а потом я ей объясню, что к чему, и отправлю домой.

– Но это же скандал! В обществе тебе этого не простят, и ни одна девушка из порядочной семьи не пожелает выйти за тебя замуж.

– А мне на это наплевать! Есть одна прелестная женщина, которая разведена с мужем, но это не умаляет ее достоинств, вот с ней-то я и свяжу свою судьбу!

– Ты имеешь в виду... – задумчиво протянул Фаддей. – Но я считал, что она интересуется Андреем?

– Ее заинтересует тот, кто первым сделает предложение. А так как Андрей, надеюсь, некоторое время пробудет здесь, чтобы замять скандал и утешить милую Меркушеву-старшую, то я успею опередить его.

– Ну, ты, Сергей, и мерзавец! – вдруг расплылся в улыбке Фаддей. – Такие таланты скрывал, и столь долгое время. Ты же самого змея-искусителя собираешься переплюнуть.

– Просто я хочу соответствовать своей репутации повесы, бездельника и распутника. Фаддей, прости, но на некоторое время я намерен воспользоваться твоим именем.

– Но как же так! – вскричал в растерянности поэт, но окончательно обезумевший приятель уже не слышал его громких протестов. Сбежав в мгновение ока по лестнице на первый этаж, Сергей миновал коридор, выбежал во двор и едва успел вскочить на подножку старенького экипажа, увозившего Анастасию Меркушеву в сторону Москвы. Оглянувшись, он заметил растерянную Яшкину физиономию, который, видно, только что пробудился ото сна и теперь, ничего не понимая, с тоской наблюдал, как его барин уносится в неизвестные дали, стоя одной ногой на подножке обшарпанного экипажа. Потом граф махнул на прощание рукой высунувшемуся из окна Фаддею и что-то орущему во весь голос вслед своему отчаянному другу. Усмехнувшись, он распахнул дверцу и плюхнулся на сиденье напротив своей обворожительной невесты. Девушка смотрела на него с неподдельным ужасом и, кажется, с трудом нашла в себе силы прошептать:

– Что вы себе позволяете, господин Багрянцев?

– Прошу простить меня за вторжение, – граф виновато взглянул на нее, – но в последнюю минуту я решил сопровождать вас до Москвы и, если понадобится, на край света.

– Простите! – Анастасия уже пришла в себя и высокомерно оглядела мужчину, который так неожиданно смешал все ее планы. – Я как раз и не собираюсь в Москву. Я еду до Самары, затем на пароходе до Казани, а в Казани сажусь на поезд и еду в Красноярск. Там мой дом и управление приисками.

Граф почувствовал неприятное жжение в груди. И действительно, разве только из Москвы можно доехать до ее земли обетованной. Кажется, девица лучше его ориентируется в географии, а может быть, она просто пытается запутать следы? Следуя уже сложившейся тактике поведения, граф, не выдав голосом закравшегося подозрения, сказал:

– Куда бы вы ни направлялись, сударыня, я повсюду буду сопровождать вас. Я не могу отпустить невесту моего друга одну-одинешеньку куда-то к черту на кулички!

– Вы меня очень обяжете, если немедленно покинете экипаж! – сухо проговорила Анастасия, и граф заметил, как сжались в кулаки маленькие изящные руки. – Позвольте мне самой

решать, куда и с кем ехать. Вы, сударь, большой наглец и добрый пройдоха, если полагаете, что я позволю вам сопровождать меня. Шпиона решили из себя изобразить, не так ли, граф Эстергази?¹

– Почему вы так вдруг изменили обо мне свое мнение, Анастасия? – Ратманов неожиданно для себя опустился на колени прямо на затоптанный пол кареты и прижался губами к ее руке. Девушка вздрогнула, попыталась высвободить руку, но Сергей с силой сжал холодные ладошки и тихо проговорил: – Клянусь всеми святыми, я не причиню вам никакого вреда! – и с тоской подумал, что уже который раз за этот день солгал, потому как мечтал лишь об одном – о скором и неминуемом наказании для этой глупой и самоуверенной девчонки. К сожалению, время, отведенное ему судьбой для приведения приговора в исполнение, уменьшалось до двух, самое большее до трех суток. А это был дьявольски короткий срок даже для записного ловеласа и мошенника, к числу которых он никогда не принадлежал. И потому испытывал некоторые душевные муки по поводу того, что объектом его мести является хотя и недостойная, но все-таки еще очень молодая и не искушенная в хитросплетениях жизни девушка.

– Я не хочу больше говорить по этому поводу, господин Багрянцев! – Анастасия смерила его презрительным взглядом и отвернулась к окну. – Прошу избавить меня от ваших забот. Я взрослый человек и могу отвечать за свои поступки.

– Что ж, я вас не неволю, – граф тяжело вздохнул и поднялся с колен. Удрученно осмотрел влажные и грязные пятна на брюках, появившиеся от соприкосновения с полом. Достал было носовой платок, но потом махнул рукой, сунул его в карман сюртука и опять сел напротив Анастасии. – Как бы вам этого ни хотелось, но какое-то время нам предстоит путешествовать вместе. Я провожу вас до Самары, удостоверюсь, что вы благополучно сядете на пароход, и после этого вернусь в Москву.

– С чего это вдруг переменялись ваши планы, господин поэт? – язвительно усмехнулась Анастасия. – Что за душевный порыв вы испытали, когда чуть не выломали дверцу в моей карете?

– Сударыня, вы для меня остаетесь невестой моего друга. И в его отсутствие я нахожу себя обязанным охранять вас от тех опасностей, которые неизменно подстерегают юных и неопытных девушек, путешествующих в одиночку.

– Весьма скоро ваш друг перестанет считать меня своей невестой, так что для очистки совести можете доехать со мной до почтовой станции, а там прошу оставить меня в покое. Будьте уверены, я сумею защитить себя в любой опасной ситуации.

– Посмею не согласиться с вами, и, чтобы излишне не пугать вас жуткими подробностями кровавых преступлений, которые постоянно совершаются на российских дорогах, давайте лучше пойдем на мировую и постараемся не омрачать наше короткое совместное путешествие ссорами. Но вы, наверно, уже заметили, что я вас не осуждаю, не уговариваю вернуться, хотя еще в гостинице мог просто схватить в охапку и посадить в свой экипаж. При этом я избежал бы массы неприятностей, а теперь я рискую навсегда потерять дружбу своего лучшего друга и нажать себе непримиримого врага в вашем лице.

– Своим достойным поступком вы лишней раз подтвердили мои подозрения по поводу графа, – недружелюбно ответила девушка, даже не повернув головы в сторону своего нечаянного попутчика. Но Ратманов отметил про себя обнадеживающее замечание «достойным поступком» и ощутил небывалый прилив сил. Как будто его старания не пропали даром, и первая, пусть непрочная жердочка проложена над пропастью, которую эта девушка очень умело и быстро создала между ними.

¹ Эстергази – майор Генштаба французской армии, шпионивший в пользу Германии. Вместо него был обвинен и осужден в 1895 году за шпионаж капитан Дрейфус, еврей по национальности. Дело Дрейфуса получило большой общественный резонанс.

– Спасибо на добром слове, сударыня! – Граф склонил голову в церемонном поклоне и остановил свой взор на нежном профиле своей спутницы. Если бы она не была так хороша, насколько легче было бы ему оставаться холодным и равнодушным и не испытывать постоянного искушения сесть с ней рядом, взять ее руки в свои и не выпускать до скончания века. Интересно, а как она отреагирует, если он дотронется до ее щеки губами?.. Но молодой человек тут же постарался избавиться от слишком смелых мыслей и осторожно спросил: – Почему вы так быстро поверили в те нелепости, которые поведали вам о вашем женихе?

Анастасия повернулась, бросила на него негодующий взгляд и, помолчав долю секунды, тихо ответила:

– Думаю, вам известно, что меня срочно забрали из Парижа, не позволив даже закончить курс университета. Поэтому встретиться с графом лично мне не довелось...

– Что же, вам и фотографию его не показывали?

– Почему же, показывали! – слегка усмехнулась девушка. – Этакий бонвиван с отвратительнейшими усиками!

Граф невольно потрогал пальцами верхнюю губу. Следуя английской моде, он никогда не носил усов.

– А вы уверены, что на той фотографии был изображен граф Ратманов? – спросил он.

– Как в самой себе! – тут же отпарировала девушка.

– Но, насколько я знаю, мой друг лишен подобного украшения.

– А не все ли равно! – Анастасия презрительно дернула плечиком и скривилась. – По правде, я ее не слишком разглядывала, но что-то весьма отталкивающее в его лице было!

– Как же так? – вскричал в негодовании граф. – Почему вам не позволили рассмотреть лицо вашего жениха? Он не прокаженный и не урод, чтобы скрывать до свадьбы свою внешность!

– К вашему сведению, господин поэт, я сама не имела никакого желания знакомиться с физиономией вашего приятеля. Эту фотографию я просто-напросто порвала, как только она попала мне в руки, – девушка победно улыбнулась. – А по поводу его выходок скажу одно: я полностью доверяю словам тех, кто так нелестно о нем отзывался. Эти дамы давние подруги моей матери. И им нет никакого резона приукрашивать или очернять действительность. Моя мама, вне всякого сомнения, не пригласила бы их на свадьбу, если бы сомневалась в их искренности.

– Понятно, – ответил граф и почувствовал, как его сердце сжалось от чувства, похожего на разочарование.

Неужели Анастасия так доверчива и наивна? В уме ей не откажешь. Видимо, это свойство ее характера – совершать очертя голову поступки, от которых уходит земля из-под ног и безумно кружится голова у всех окружающих? Он уже успел испытать это на себе в полной мере. Но, подавив в себе раздражение, Сергей по-прежнему мягко и ласково произнес:

– Скажите, а эти милые дамы так вот прямо, не стесняясь, и рассказали вам о похождениях моего друга? – И тут хорошо знавшие графа люди смогли бы заметить, как потемнели вдруг его глаза, а около губ залегли две жесткие складочки.

Анастасия, как ему показалось, несколько смутилась, но тут же взяла себя в руки и довольно равнодушно произнесла:

– В гостиной была не совсем плотно закрыта дверь, а я проходила мимо...

– И случайно подслушали, как эти почтенные сплетницы перемывали кости моему другу? – Теперь любой человек заметил бы, как он рассержен. Эта девица совсем не отличается от многих подобных ей созданий с куриными мозгами и вздорным характером! Да, ничего не скажешь, хороший подарок готовили ему к тридцатилетию! Нет уж, пусть половина его наследства отойдет Андрею, но он приведет свой план в исполнение и примерно накажет эту

самоуверенную негодницу и попутно ее маменьку, не сумевшую внушить дочери, что подслушивать чужие разговоры недопустимо.

– А как бы вы поступили на моем месте, если бы случайно услышали имя человека, о котором ровно ничего не знаете? У меня было такое чувство, что через несколько дней мне предстоит лечь в постель чуть ли не с первым встречным. Вы в состоянии понять, что я испытывала все эти дни, когда так опрометчиво поддавалась на уговоры мамы? Оказывается, она в свое время была невестой старшего брата графа, но он повел себя недостойно, завел роман с какой-то певичкой, и она отказала ему. Так что я нисколько не удивляюсь тому, что младший братец пошел по стопам старшего. Но моей маме взбрело в голову, что я должна испытать то великое счастье, которое не удалось испытать ей, – стать графиней Ратмановой, – Анастасия скептически усмехнулась. – Но она упустила один немаловажный факт...

– Какой же? – тихо спросил граф и вдруг заметил, как девичьи глаза подозрительно заблестели.

– То, что она любила графа Андрея. – Девушка печально посмотрела на человека, которого считала Фаддеем Багрянцевым, и вздохнула.

– Вас что же, не прельщает возможность стать графиней Ратмановой? В довершение высокого положения в обществе, вы будете женой одного из самых богатых людей России. Вы сможете путешествовать, иметь множество великолепных нарядов, а фамильным драгоценностям Ратмановых завидуют самые именитые семейства Европы, – сказал Сергей.

Девушка покачала головой и, гордо вскинув голову, произнесла:

– Мой отец принадлежал к старинному дворянскому роду, возможно, не к такому богатому и знаменитому, как род Ратмановых, но смею вас заверить, в нашей семье прежде всего ценились честность и порядочность. И я уверена: будь мой отец жив, он никогда не допустил бы, чтобы его единственная дочь обвенчалась с негодяем.

– По-моему, Сергей не заслуживает подобной характеристики.

Граф с великой осторожностью перебрался на сиденье рядом с девушкой. Она отодвинулась, но возражать не стала, только вновь отвернулась к окну, за которым уже окончательно стемнело, а по кожаному верху кареты забарабанили вдруг тугие капли дождя. Похолодало, и Анастасия еще плотнее запахнула свое пальтишко. Она так и не ответила ему, да и у графа вдруг пропало какое-либо желание продолжать разговор. Он приоткрыл дверцу и крикнул кучеру:

– Далеко ли еще до станции?

– Да вроде уже должна быть, – донесся с облучка угрюмый голос. – Грязь, барин, непролазная, лошади еле тянут, как бы нам не застрять здесь... – сказал мужик и словно сглазил.

Лошади дернули карету раз, другой, кучер выругался, соскочил с облучка и тут же провалился в жидкую грязь по колено. С трудом вытаскивая ноги и продолжая ругаться, он прошел к задним колесам кареты и озадаченно крикнул:

– Да, господа хорошие, застряли мы тут до утра. Самим нам ни в какую не выбраться.

– Что же делать? – спросила девушка и растерянно посмотрела на своего попутчика.

– Показывай, братец, где тут ближайшее село? – Граф надел шляпу, которая лежала до той поры на сиденье.

– В полверсте отсюда есть небольшой хутор. А если через рошу идти, так совсем рядом, – сообщил кучер.

– Ну что ж, дорогая барышня, – Сергей решительно натянул шляпу поглубже, застегнул плащ на все пуговицы и вдруг, улыбнувшись, подмигнул девушке, – путешествовали в экипаже, теперь вам предстоит испробовать другое транспортное средство.

– Какое именно? – спросила она в недоумении. – Неужели вы хотите выпрячь лошадей?

– Нет, лошадей мы оставим в покое. Но верхом вам придется прокатиться... На мне.

– Царица небесная! – всплеснула руками девушка. – Что за ересь вы несете? Я умею прекрасно ходить.

– Вполне это допускаю! – усмехнулся молодой человек. – Но преодолевать вплавь грязные лужи вы вряд ли приучены.

– Что же теперь делать? – спросила девушка растерянно.

– Прежде всего вспомнить детство. Отец когда-нибудь катал вас на своей спине? – Сергей попробовал на вес свой портплед и саквояж Анастасии и удивленно поднял брови. – Вы что же, увезли весь золотой запас семейства Меркушевых?

И тут он еще раз убедился в поразительной способности бывшей невесты пропускать мимо ушей некоторые его замечания. Гораздо больше ее волновал вопрос, каким образом им предстоит сейчас форсировать зловонное болото, в котором по самые втулки увязли колеса экипажа.

– Вы собираетесь перенести меня на своей спине? – проговорила она медленно, растягивая слова, и с неподдельным изумлением уставилась на внезапно повеселевшего спутника. А граф и вправду еле сдерживал смех, представив себе, какое потрясение испытали бы все его тайные завистники, если бы вдруг удостоились чести лицезреть сию прелестную картину: граф босиком, в закатанных выше колен брюках переносит на закорках свою нареченную. Вот на какие жертвы вынужден он идти, какие серьезные испытания должен пережить, чтобы получить это окаянное наследство! Слава богу, что без лишних свидетелей! Он посмотрел на девушку, растерянно наблюдавшую за его приготовлениями к переправе, и усмехнулся:

– Выходит, вы не знали этой детской радости?

– Почему же, но отец предпочитал, чтобы я сидела у него на шее...

– Это удовольствие мы оставим вашему будущему мужу, а теперь, – Сергей взял в обе руки багаж и повернулся к Анастасии спиной, – обнимите меня за шею руками. Да не бойтесь! – слегка прикрикнул он на девушку, робко обхватившую его плечи. – Меня совсем не радует возможность измерить глубину лужи, пускай даже на пару с вами!

Она уже смелее прильнула к его спине. Сергей подхватил ее под колени руками и осторожно ступил на подножку экипажа. Карета слегка накренилась, девушка испуганно вздрогнула и еще сильнее прижалась к мужской спине. Граф почувствовал ее дыхание на своей щеке и, не раздумывая, шагнул в отливающую черным лаком жидкую грязь. Вслед им что-то прокричал кучер, но Сергей не обратил на это никакого внимания. Самое главное сейчас – не поскользнуться и благополучно достичь небольшого леска, видневшегося в десятке саженей от застрявшего экипажа. Девушка была почти невесомой, но ее саквояж ощутимо оттягивал правую руку. «Камнями она его набила, что ли?» – подумал граф и сильно ударился ногой о корень дерева на дне лужи. Зашипев от боли, он пробормотал сквозь зубы проклятие и чуть не выронил саквояж. Какого черта он копошится в этой грязи, вместо того чтобы лежать сейчас в мягкой постели под роскошным белым балдахином и держать в объятиях восхитительную молодую жену? Почему все в его жизни так складывается? Зачем он затеял эту дурацкую игру, вместо того чтобы уже на постоялом дворе объявить этой своенравной девице, кто он такой на самом деле?

Граф подумал, что и в этом случае не пришлось бы ночевать в роскошной кровати под белым балдахином, и почувствовал, что его ноги ступили на колючую придорожную траву.

Девушка разомкнула руки, сползла с его спины и с облегчением вздохнула, оказавшись на твердой поверхности. Из-за туч выглянула луна и осветила огромную лужу, посреди которой замерла слегка накренившаяся набок карета. Кучер опять взобрался на облучок и крикнул пассажирам, благополучно добравшимся до леса:

– Там за взгорком, в ложбине, ручей бежит, можете, барин, ноги помыть. А потом вдоль ручья идите, по тропинке, а как мостик минуете, так хутор и увидите. Если что, скажите, мол,

от Ивана. Там свояк мой живет. Пусть батраков поутру пошлет, чтобы помогли экипаж вытащить, ночью тут все равно ничего не разберешь.

– А ты разве не пойдешь с нами? – крикнул Сергей.

– Нет, останусь, попытаюсь выбраться. Если получится, заеду за вами на хутор. Но вы там заночуйте, в любом случае до утра придется задержаться.

– Ну, хорошо, – согласился граф, – будем ждать тебя на хуторе.

По заросшему мелким кустарником склону они спустились к ручью, русло которого было настолько завалено камнями, поваленными деревьями, что они с трудом отыскивали небольшой бочажок, где воды было чуть выше графских щиколоток, да и та была попеременно с листьями и мелкими веточками.

Анастасия с берега наблюдала, как, едва слышно чертыхаясь сквозь зубы, ее попутчик пытается отмыть толстый слой грязи, облепивший его ноги по самые колени. Наконец он закончил приводить себя в порядок, вновь натянул сапоги, поправил шляпу, одернул плащ и подошел к Анастасии.

– Ну что, сударыня, продолжаем путешествие? – бодро спросил он.

– Господин Багрянцев, – девушка отвела глаза в сторону, и следующие ее слова, по всей видимости, дались ей нелегко, – я должна признаться, что мое решение отправиться в дорогу одной весьма опрометчиво, и я очень рада, что вы оказались рядом. Не знаю, что бы я сейчас делала без вас?

– По крайней мере через лужу вам бы пришлось перебираться самой, – усмехнулся граф. – Надеюсь, вы заметили, что кучер обладает отнюдь не богатырским телосложением и вряд ли бы согласился исполнить роль верховой лошади.

– Простите меня, господин...

– Зовите меня просто Фаддей, – быстро проговорил Ратманов, – думаю, я заслужил это право. А вас я могу называть по имени?

– Да, да, разумеется, – торопливо согласилась девушка, – только я не люблю, когда меня называют Анастасией. Лучше Настя, если пожелаете.

– Конечно, пожелаю! – мгновенно согласился ее спутник и посмотрел на небо. – Кажется, на наше счастье, распогодилось. Вон уже и звезды на небе показались, да и теплее стало, вы не чувствуете? – Не дожидаясь ответа, он расстегнул плащ, снял с шеи галстук, связал им за ручки саквояж и портплед и перекинул поклажу через плечо. – Давайте руку, а то, не дай бог, упадете в темноте!

Девушка сделала шаг навстречу, доверчиво протянула ему руку, и он принял в свою ладонь ее слегка подрагивающую ладошку. Она была холодной как лед, и Сергей не удержался, поднес ее к губам и попытался согреть своим дыханием. Лицо Насти приблизилось почти вплотную к лицу молодого человека, она смотрела на него своими огромными глазами, совсем темными в сумраке ночи и оттого казавшимися бездонными, как и небо, раскинувшее над ними свой купол.

– О господи, – прошептала она, не сводя с него глаз.

– Я начинаю думать, что ваш жених непроходимый тупица, – пробормотал граф, отпустил девичью ладонь, снял с плеча поклажу и в следующее мгновение привлек Настю к себе и приник губами к ее прекрасному рту, недоумевая, почему не сделал этого раньше. Крепко обнимая свою бывшую невесту, граф Ратманов только в первый момент ощутил ее легкое сопротивление, и тут же, к его величайшему изумлению, она стала отвечать ему. Да так, что Сергей уже в который раз пожалел, что находится сейчас не в спальне молодоженов, а вдали от человеческого жилья, среди мрачных и угрюмых деревьев, молчаливых свидетелей их первого поцелуя.

Внезапно девушка отстранилась и, прижав руки к щекам, потрясенно произнесла:

– О боже! Я хуже графа Ратманова, в этом нет никакого сомнения! Господин Багрянцев, прошу вас, простите меня. Я не должна была позволить вам этот поцелуй. Я думаю, все дело в том, что я крайне раздосадована и огорчена, поэтому не сумела вовремя остановить вас.

Граф с удивлением посмотрел на нее, заметил блестящие на глазах девушки слезы и опять осторожно приблизился к ней. Мягко обняв ее за плечи, он привлек ее к себе.

– Милая Настя, вы сами не понимаете, что говорите! Здесь нет вашей вины. Это я воспользовался вашей растерянностью и злоупотребил вашим доверием. Сумеете ли вы простить меня?

Настя виновато улыбнулась и коснулась пальцами его щеки.

– Как хорошо, что вы не граф! Несмотря ни на что, мне с вами легко и спокойно. – И совсем тихо добавила: – И целуетесь вы восхитительно!

– Правда? – так же шепотом ответил Сергей и с неожиданной горечью подумал, что, очевидно, не понадобится особого труда, чтобы совратить это милое создание, но испытает ли он при этом то непередаваемое чувство, которое он ощутил, целуя ее, в этом он совсем не был уверен.

Он продолжал смотреть на девушку не отрываясь. И Настя почувствовала, как теплая волна омыла ее сердце и разошлась по всему телу. «О чем он думает? – забеспокоилась она внезапно. – Неужели он из той же породы, что и мой бывший жених? Вполне возможно, поцелуи для него что-то вроде спортивного состязания, а соблазнить девушку – все равно что завоевать кубок на скачках». Она уже слышана о подвигах подобных спортсменов-любителей, но втайне все-таки надеялась, что Фаддей не из числа подобных ловеласов. Но, с другой стороны, его стихи все поголовно посвящены дамам, чьи инициалы включают в себя большую часть алфавита...

Поглощенная этими мыслями, Настя не заметила, что ее рука, словно сама по себе, все еще гладит слегка шершавую от выступившей щетины мужскую щеку. Она вздрогнула, когда он бережно отвел ее руку от своего лица и прижался губами к тонкому запястью.

– Не надо, – прошептала девушка тихо и попыталась отнять руку. – Я поступила, как глупая гимназистка, позволив вскружить себе голову. Клянусь, что в дальнейшем я не допущу ничего подобного!

– Я очень жалею о том, что я не граф и не могу предложить вам руку и сердце, – ответил Сергей, продолжая удерживать ее руку. – Увы, я беднее церковной мыши. Кроме безупречной родословной и нескольких томиков стихов, у меня за душой ни копейки. Я живу за счет издания своих стихов, но этих средств недостаточно, чтобы содержать семью. Будь я графом Ратмановым, я бы упал перед вами на колени и умолял принять мое имя. Но поскольку я не Ратманов, то в состоянии сделать вам единственное предложение: не отпускать мою руку, пока мы не достигнем хутора. – Граф вскинул на плечо их невеликий багаж, сжал в своей руке узкую девичью ладонь, и они сквозь темноту, сквозь недружелюбно затаившийся лес направились к хутору, который, судя по лаю собак, был не так уж и далеко.

Глава 4

– Но куда она могла подеваться? – Ольга Меркушева, все еще очень красивая женщина, в тревоге ходила по гостиной, то и дело выглядывая в окно, словно там вот-вот должна была появиться ее дочь, которую уже третий час разыскивали по всему дому и окрестностям усадьбы. С утра она была в своей спальне, наотрез отказавшись встретиться с матерью и обсудить последние приготовления к встрече жениха – графа Сергея Ратманова.

– Мама, я полностью полагаюсь на тебя, – твердо сказала дочь, не впустив мать дальше порога своей комнаты. – Мне глубоко безразлично, в каких ливреях лакеи будут встречать при входе в дом твоего будущего зятя. Я не хочу видеть его вплоть до венчания и прошу оставить меня одну хотя бы несколько часов!

Настя захлопнула дверь перед носом матери, и та, оскорбленная до глубины души подобной бесцеремонностью дочери, спустилась на первый этаж дома и окунулась в шумную сутолоку, всегда предшествующую таким важным событиям, как венчание в церкви и следующая за этим свадьба.

Прибывших на торжество гостей плохая погода не выпускала в приусадебный парк, они томились от безделья, слоняясь по дому, раздражая хозяйку бестолковыми вопросами и советами. К четверем часам пополудни Ольга Ивановна устала безмерно, но к встрече все было готово. И теперь два десятка дюжих лакеев в прекрасных новых ливреях, белоснежных париках, с напудренными лицами застыли по обе стороны парадного крыльца и вестибюля в ожидании приезда братьев Ратмановых. Чуть в стороне от въезда в усадьбу стояла в полной боевой готовности старинная пушка. И отставной солдат Тимофей Зубарев ждал сигнала, чтобы запалить фитиль и возвестить всей округе о том, что жених пересек границы имения своей невесты. Тут его должны были встретить юные красавицы в народных костюмах, спеть величальную молодому графу, поднести ему хлеб-соль и проводить под белы руки к парадному крыльцу, где уже ждала мать невесты в платье, специально к этому дню доставленном из Парижа. Прекрасный атлас цвета чайной розы выгодно подчеркивал свежесть кожи Меркушевой-старшей и необычайно шел к ее темно-карим глазам, которые оставались такими же прекрасными, как и двадцать лет назад.

Только ее строптивая дочь, никогда прежде не доставлявшая никаких хлопот, вдруг взбунтовалась и ни в какую не желала участвовать в этом «спектакле», который, по ее словам, разыграла мать, желая не ударить в грязь лицом перед богатым и влиятельным женихом. Но эта дуруха просто не понимает своего счастья и потому восприняла известие о неизбежной свадьбе как смертный приговор.

Ольга Ивановна вздохнула и, посмотрев на Ратибора Райковича, давнего, еще со студенческих времен, приятеля своего покойного мужа, сказала:

– Не знаю, что и думать, Ратибор! Горничная помогла Насте примерить подвенечное платье, а через десять минут она исчезла, будто испарилась! Уже где только ее не искали: и в оранжерее, и в парке... Все закоулки, весь дом обшарили...

– Успокойся, дорогая, – Райкович взял женщину за руку и подвел к изящному диванчику. – Посиди немного, отдохни! Пойми, девочке надо побыть одной. Вспомни себя накануне свадьбы. Неужели ты сама не испытывала тревоги, неужели не боялась предстоящей встречи со своим будущим мужем?

– По-моему, Настя сейчас думает только о том, как досадить мне! – Ольга Ивановна сердито поджала губы и снова выглянула в окно. – Что еще она задумала? С нее станет сотворить такое, что одной моей мигренью дело не кончится!

Стук в дверь заставил женщину замолчать, и она с надеждой посмотрела на Райковича.

– Пожалуйста, Ратибор, открой! Вероятно, это дворецкий с новостями о поисках Насти.

– Терпеть не могу твоего дворецкого! – с негодованием проговорил Ратибор, но направился к дверям. – У тебя, ma chere, поразительная способность окружать себя людьми, которые ничего, кроме неприятностей, не приносят.

– Что ж, в чужом глазу немудрено и соломинку заметить, особенно, если в собственном бревно торчит, – парировала Меркушева, но Райкович то ли сделал вид, то ли вправду не слышал ее ядовитого замечания. Толкнув створку двери, он молча вернулся к дивану и, вытащив свою выдавшую виды трубку, принялся набивать ее табаком.

Ольга Ивановна поспешила навстречу дворецкому.

– Что скажешь, Антон? Нашли ли Настю?

– Боюсь, что у меня для вас плохие новости, барыня, – произнес угрюмо Антон и опустил глаза. – Барышня была на конюшне, велела оседлать свою Звездочку. Конюхи говорят, что на этот раз она была не в обычном костюме для верховой езды, а в платье, и, похоже, в подвенечном...

– О господи, что такое? – Ольга Ивановна в растерянности оглянулась на Райковича. – Неужели она вздумала бежать?

– В подвенечном платье? – скептически скривился тот. – Очередной каприз, и только. Думаю, через четверть часа появится твое непослушное чадо, так что не нервничай, дорогая!

– Но как же не нервничать?! – вскричала Меркушева со слезами в голосе. – Виданное ли дело – скакать по полям в подвенечном платье! Что от него после этого останется?!

– Что-нибудь да останется! – философски заметил Райкович и выпустил изо рта струйку дыма. Заметив взгляд дворецкого, произнес, побагровев от раздражения: – Что уставился, мужлан? Тебе более дел нет, как околачиваться в гостиной барыни?

– Остынь, Ратибор, – остановила его Ольга Ивановна. – Ты опять с ног до головы в табаке и в пепле. Неужели нельзя обращаться со своей трубкой аккуратнее?

– О, и это все? – недовольно сморщился Райкович и принялся отряхивать с праздничной одежды пепел, недовольно ворча: – Провинциальный болван, проклятая деревенщина. Совсем не хочет понять, где его место.

– Барыня, – дворецкий, похоже, даже ухом не повел на столь нелестную для него характеристику и обратил свой взор на хозяйку, – граф Ратманов только что приехал и желает лично поговорить с вами.

– Как! – вскричала Меркушева. – Граф уже здесь, а меня никто не удосужился об этом предупредить! Неужели Тимофей проспал? – она гневно посмотрела на Антона. – Почему не стреляла пушка?

– Вы велели старику встречать экипаж при въезде в имение, а граф прискакал верхом совсем не с той стороны, с которой его ожидали.

Впервые с того момента, как она обнаружила исчезновение дочери, Ольга Ивановна испытала чувство, напоминающее панику. У Насти была причина искать уединения – вполне понятная и простительная предсвадебная истерика. Но почему граф таким образом явился в имение? Где Багрянцев, где Андрей, наконец?

Не на шутку встревоженная, она сказала:

– Пожалуйста, Антон, проводи графа в кабинет. Я сейчас выйду к нему.

Дворецкий поклонился и направился к двери, а Ольга Ивановна добавила ему вслед:

– Немедленно сообщай мне все новости о барышне, и не прекращайте поиски, пока не отыщете ее!

* * *

Граф Андрей Ратманов, заложив руки за спину, стоял у широкого окна, смотревшего в старинный парк. Лучи солнца пробились сквозь тучи, окрасив стволы деревьев в розовато-жел-

тый цвет. Ему нестерпимо захотелось пройтись по заросшим травой дорожкам, вдохнуть влажный воздух, настоящий на запахах мокрой зелени, первых грибов и огромных, недавно распустившихся флоксов и астр. Он вздохнул, скорее бы закончилась эта суета, связанная с женитьбой брата. С минуты на минуту должна появиться мать невесты, которой он должен сейчас объяснить, почему его драгоценный брат задержался в пути. Он вспомнил взгляд Сергея, которым тот проводил его от ворот постоянного двора. Как бы ни страдал его младший братец, но жертвоприношение состоится уже сегодняшним вечером, и наступит черед старшего брата подыскивать себе невесту.

В отличие от Сергея, которому был предложен весьма жесткий вариант обретения семейного счастья, Андрей был волен в выборе невесты, но ему вменялось в обязанность произвести наследника в течение года со дня свадьбы. И только в этом случае он получал свою долю наследства. А пока он с сочувствием мог только наблюдать за страданиями брата. Младший Ратманов в последние дни перед свадьбой вел себя, как приготовленный к закланию баран – смотрел на мир затуманившимся от дурных предчувствий взором. Он часто впадал в гнев и беспрестанно ссорился то с безмятежным Фаддеем, то вдруг решался отточить молодые рога на старшем брате, но без особых успехов.

За его спиной послышался звук легких шагов, и Андрей обернулся, приготовившись встретить будущую тещу брата самой обворожительной улыбкой...

– Простите, граф, что заставила вас ждать! – торопливо проговорила Ольга Ивановна, направляясь к стоящему у окна ее кабинета Ратманову. – Вы... – она запнулась на полуслове и невольно отступила назад.

Вместо ожидаемого с нетерпением будущего зятя на нее смотрел Андрей Ратманов с застывшей на устах улыбкой. Меркушева с трудом подавила в себе невольный тяжелый вздох. Не в такой ситуации ожидала она встречи со своим бывшим женихом. Ольга Ивановна с усилением улыбнулась и проговорила, указав гостю на широкое кресло в глубине кабинета:

– Садитесь, прошу вас! Очевидно, случилось что-то непредвиденное, раз вы прибыли в имение один?

– Извините меня великодушно! – Ратманов сделал несколько шагов навстречу женщине, церемонно поклонился и весьма учтиво произнес: – Позвольте представиться, граф Андрей Ратманов, брат вашего будущего зятя. К сожалению, Сергей вынужден задержаться на некоторое время. У нашей кареты лопнула рессора, и он вместе с Фаддеем Багрянцевым ожидает на постоялом дворе, когда закончится ремонт.

– Но в чем же дело? – воскликнула Ольга Ивановна и торопливо отвела глаза в сторону, чтобы не выдать своего разочарования. Граф не узнал ее! – Я сейчас же распоряжусь послать за ним свой экипаж.

– Не стоит беспокоиться! Я думаю, что они уже на полпути к имению. – Андрей учтиво склонился к ее руке, на мгновение прижался к ней губами и вымолвил, слегка прищурившись: – Я и не подозревал, что у меня будет такая очаровательная родственница. Не знай я о том, что вы мать невесты, подумал бы, что вижу ее старшую сестру.

Ольга Ивановна слегка покраснела от неожиданного комплимента, но не успела и слова произнести в ответ. За ее спиной раздался знакомый, слегка скрипучий голос Райковича.

– Братья Ратмановы известные мастера славословий, дорогая Ольга! Так что не обольщайся! Будь я женщиной, и то, наверно, не остался бы без внимания графа Андрея, или я ошибаюсь, ваше сиятельство?

– Естественно, но я очень рад, что вы никогда не будете женщиной, господин Райкович! – сухо ответил граф и повернулся к хозяйке. – Смею заверить вас, я был совершенно искренен и воистину восхищен вашей красотой.

– Но, но, граф, – проговорил с откровенным недовольством в голосе Райкович. – Слишком уж стремительны вы в своих атаках! Эта женщина не про вашу честь!

– Ты с ума сошел, Ратибор! – воскликнула в негодовании Меркушева. – Кто тебе дал право на подобные разговоры и вдобавок в моем присутствии? Я сама в состоянии постоять за себя и уверена, что граф не имел в виду ничего дурного.

– Я здесь нахожусь по праву старинного приятеля твоего мужа. Умирая, он просил помогать тебе и, если нужно, защищать от поползновений охотников за твоим состоянием!

– Нет, Ратибор, ты окончательно спятил! – прошептала потрясенно Ольга Ивановна, прижала пальцы к вискам и повернулась к своему будущему родственнику. – Простите его, граф! Очевидно, у Ратибора очередной приступ подагры, ничем другим я не могу объяснить его поведение.

– Я всегда знал о том, что ты весьма легкомысленная особа, – желчно проворчал Райкович и, смерив графа презрительным взглядом, покинул кабинет.

– Он живет здесь? – спросил Андрей и, повинувшись ее приглашающему жесту, опустился в кресло рядом с диваном, на котором расположилась хозяйка дома.

– К счастью, нет! – ответила Ольга Ивановна. – Тут он по случаю свадьбы. Мы привыкли, что он постоянно допекает слуг, и они уже научились пропускать его замечания мимо ушей, но сегодня его словно бес попутал, вздумал вдруг беспокоиться о моей чести.

– Простите, возможно, мой вопрос покажется вам не совсем учтивым, но не преследует ли Райкович несколько иные, сугубо личные цели?

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – усмехнулась Ольга Ивановна. – Об этом и речи не может быть! Я его с трудом выношу и терплю в доме только потому, что он друг моего покойного мужа и был к тому же свидетелем его гибели в тайге во время экспедиции, – она несколько виновато взглянула на графа. – Простите, но вы наверняка устали с дороги? Сейчас дворецкий покажет вам вашу комнату, вы сможете принять ванну, переодеться, а тем временем и ваш брат подъедет...

– Барыня, барыня, – истошно голося, в кабинет влетела Ульяна с листком бумаги в руках, – сбежала барышня, в Москву сбежала! Я вот записку нашла у нее под подушкой!

Ольга Ивановна медленно протянула руку, охнула, разобрав несколько безжалостных слов в письме Насти, и, покачнувшись, упала прямо в руки графа Андрея...

Очнулась она от прикосновения холодного стекла к своим губам. Граф, склонившись над ней, пытался напоить ее водой, а рядом стоял Райкович с трубкой в одной руке и флаконом с нюхательной солью в другой. Ольга Ивановна попыталась приподняться и обнаружила, что лежит на широком кожаном диване в своем кабинете, а ее голову поддерживает незнакомый молодой мужчина лет тридцати пяти. Меркушева сконфуженно улыбнулась, отвела руку графа, села на диване и огляделась по сторонам. Никого более, кроме этих трех мужчин и ее самой, в комнате не было.

Незнакомец, долговязый, с заметным брюшком и открытым добродушным лицом, никак не походил на молодого графа, каким она запомнила его по фотографии. К тому же он был достаточно небрежно одет, а братья Ратмановы всегда славились особой аккуратностью и элегантным внешним видом. Но если это Фаддей Багрянцев, то где же тогда граф?

– Позвольте представить вам Фаддея Багрянцева, Ольга Ивановна, – опередил ее вопрос Андрей и оглянулся на Райковича, который отошел тем временем к окну и вновь занялся своей трубкой.

Фаддей бережно принял ее руку, пожал ее и мягко произнес:

– Я бесконечно рад познакомиться с вами, госпожа Меркушева! Я слышал о вашей необычайной красоте, но действительность превзошла все мои ожидания! – Ольга Ивановна была приятно удивлена восхищением, вспыхнувшим в бледно-голубых глазах поэта, и, невзирая на некоторое беспокойство, ощутила несомненное удовольствие от того, что он задержал ее руку в своей несколько дольше, чем позволяли приличия. Но в этот момент она краем глаза отметила два быстрых взгляда – откровенно раздраженный Райковича и чрезмерно язвитель-

ный графа Андрея, – и тут же ее настроение вновь испортилось. Она вспомнила, какое горестное событие вызвало ее обморок.

Ольга Ивановна отняла свою руку и тихо попросила:

– Прошу вас, господа, садитесь! – и посмотрела на Ратманова-старшего. – Ваш брат уже здесь?

Андрей как-то странно взглянул на нее, но ничего не ответил, а лишь подошел к дивану и вместо предложенного кресла сел рядом с ней. По-прежнему угрюмый Райкович так и остался стоять у окна, и только Фаддей Багрянцев опустился в глубокое кресло рядом с диваном. Но по тому, как он вдруг отвел взгляд в сторону, Ольга Ивановна поняла: произошло что-то неладное.

– Господа, не томите меня! Я вижу, случилось что-то нехорошее!

Граф поднял на нее свои темно-серые глаза, глубоко вздохнул, нахмурился и осторожно спросил:

– Госпожа Меркушева, вы стойкая женщина?

– Я... я не знаю, – Ольга Ивановна почувствовала, что язык перестал слушаться ее, а сердце сжалось от страха. – Не шадите меня, граф! Говорите, что с Настей? Почему ваш брат до сих пор не появился здесь? Или он узнал о ее побеге и отказался венчаться с ней?

– Дорогая Ольга! – шагнул к ней от окна Райкович. – Я неоднократно предупреждал тебя о том, что молодой Ратманов неподходящая партия для нашей Насти...

– Замолчите, Райкович, в противном случае я возьму вас за шиворот и выкину из комнаты! – Андрей побледнел, а серые его глаза потемнели и угрожающе смотрели на господина у окна. Тот недовольно скривился, но замолчал и демонстративно отвернулся от графа. – Сейчас я как раз не на стороне своего брата, Ольга Ивановна, – еще более мрачно продолжил граф. – Фаддей только что привез потрясшее нас известие. Приготовьтесь пусть не к самой худшей, но весьма неприятной новости. Дело в том, что ваша дочь бежала не одна, а с моим братом Сергеем Ратмановым и сейчас они оба направляются в Москву.

Ольга Ивановна, побледнев, некоторое время молча смотрела на графа. Что такое он говорит? Что за бред сумасшедшего? Или она сама сходит с ума? *Сергей Ратманов. Сбежали. Ее Настя.* Некоторое время она сидела словно в оцепенении, потом посмотрела на мужчин полными слез глазами и прошептала:

– Зачем... зачем вашему брату *бежать* с Настей, когда через пару часов он мог спокойно обвенчаться с ней в церкви без всяких фокусов? Все, что вы сейчас сказали, совершенно бессмысленно и крайне глупо!

– По просьбе Сережи я должен был сообщить вам, что он намерен обвенчаться с вашей дочерью в ближайшей церкви и увезти ее затем в Москву, – вступил в разговор Фаддей, – но дело в том, что мой друг преследует несколько иные цели, и мой долг честного человека не позволяет мне молчать об этом... – проговорил он еле слышно и сильно покраснел. Андрей в ярости стукнул кулаком по спинке дивана и закончил это печальное сообщение вместо ступавшегося поэта:

– Дело в том, что этот мерзавец, которого я до сего момента считал своим братом, вовсе не намерен жениться на вашей дочери, госпожа Меркушева. Честно сказать, я только сейчас осознал, в какое отчаянное положение мы все попали.

– У меня кружится голова, я не в состоянии понять, что происходит, – Ольга Ивановна зажмурила глаза и прижала пальцы к вискам. – Поначалу я думала, что граф отказывается жениться на Насте по какой-то неизвестной нам причине, теперь вы намекаете на такие ужасные вещи, которые просто не укладываются в моей голове. Вы хотите сказать, что ваш безрассудный брат замыслил обесчестить мою девочку, учинить безобразнейший скандал, который навсегда закроет ей дорогу в общество? Но в чем причина? Чем вызвана подобная жестокость? Или все эти игры с приданным преследовали так далеко идущие цели? Но чем же мы провинились перед вами, граф, что такого дурного могла совершить моя дочь, чтобы ее, юную и без-

защитную, втоптали в грязь сапоги великосветского мерзавца? – Женщина не замечала, что слезы ручьем текут по щекам, но, когда Фаддей протянул ей свой платок, она с негодованием оттолкнула его руку. – Возможно, мой покойный муж каким-то образом обидел вас или вашего брата, но при чем тут моя дочь?

– Твой муж был прекрасным и благородным человеком, и эти жалкие негодяи ногтя его не стоят. Прикажи, я позову лакеев, и они взащей вытолкают этих наглецов, – Ратибор выпятил грудь и, надувшись, как индюк, сделал шаг в сторону графа. Ратманов исподлобья сердито посмотрел на него и проговорил:

– Оставьте при себе ваши угрозы, господин Райкович! – И, достав из кармана своего сюртука платок, заботливо вложил его в руки женщины. – Успокойтесь, Ольга Ивановна, я никогда даже не подозревал, что мой брат способен на столь отвратительный поступок. И пока не вижу никаких причин, чтобы объяснить его поведение.

Ольга Ивановна отчаянно пыталась сдержать рыдания, но слезы продолжали бежать по щекам, ко всему прочему, вдруг самым неприличным образом потекло из носа.

– Простите меня, господа, – прошептала она, всхлипывая, тщетно пытаясь промокнуть нос. – Я не должна плакать, но у меня такое ощущение, что все вокруг сошли с ума. – Наконец она решительно высморкалась и достаточно жестко произнесла: – Что за чудовище ваш брат, граф! В последние дни до меня стали вдруг доходить слухи о его распутном поведении, да еще с такими отвратительными подробностями. Я совершенно не верю подобным сплетням!.. – Тут она сбилась с мысли, потому что заметила явную усмешку на губах графа, но собрала с духом и закончила: – Но, вероятно, на этот раз ошиблась и не сумела вовремя оградить мою бедную девочку от бессердечного подлеца. Господи! – она мысленно перекрестилась. – Ну почему Настя решилась на такой опрометчивый поступок, ведь в своей записке... – Ольга Ивановна выпрямилась, что-то похожее на догадку ворвалось в ее сознание, как порыв ветра в открытое окно. – А с какой стати Насте вздумалось бежать с ним? – спросила она скорее себя, чем окружающих, и поднесла к глазам до невозможности измятый листок с посланием дочери. – Тут она ясно и понятно пишет, что не обвенчается с Сергеем Ратмановым даже под угрозой лютой смерти. И вдруг соглашается ехать с ним в Москву?

Андрей успокаивающе сжал ее руку.

– Дело в том, что ваша дочь не догадывается о его намерениях. Она думает, что ее сопровождает вот этот балбес, – и он весьма невежливо кивнул в сторону окончательно сникшего поэта.

– Господин Багрянцев? – воскликнула Ольга Ивановна в крайнем изумлении, а Райкович в очередной раз рассыпал табак на лацканы своего сюртука.

– Он воспользовался моим именем, чтобы вызвать вашу дочь на откровенность. И когда она сообщила, что не собирается выходить замуж по той причине, что у Сережи якобы имеется любовница, он, похоже, на какое-то время лишился рассудка, – пробурчал Фаддей.

– Но Настя никогда, даже словом, ни о чем подобном не обмолвилась. Неужели она побоялась довериться мне, чтобы развеять все сомнения?

– Могу представить, в какое бешенство пришел мой братец, коли решился на подобное сумасбродство, – задумчиво произнес Андрей. – Насколько я знаю, у него никогда не было любовницы...

– Ха, ха, ха! – отчетливо произнес Райкович. – Свежо предание!..

Андрей бросил на него ленивый взгляд, но Ратибор моментально умолк и угрюмо насутился.

– ...И боюсь, что Сергей просто-напросто решил отомстить тем, кто самым бессовестным образом постарался очернить его в глазах невесты. Не секрет, что он являлся желанной добычей для многих столичных семейств, и вдруг такой пассаж. Подобных доброхотов и завистников у него хоть пруд пруди, не так ли, Фаддей?

– Милая Ольга Ивановна, – поэт поднялся со своего кресла, подошел к дивану и сел рядом с ней по другую сторону от Андрея, – я уверен в Сергее как в самом себе. Я знаю его много лет и не припомню ни одного случая, когда он повел бы себя бесчестно по отношению к женщине, а к девушке тем более. Он успел признаться мне, что поражен красотой вашей дочери, и, возможно, его действия объясняются несколько другими чувствами, чем простым желанием отомстить. Я убежден, что он вскоре одумается и повинится перед Настенькой в своем дурном поступке.

– Воображаю, что тогда будет! – прошептала потрясенно Ольга Ивановна, представив реакцию дочери на подобное признание графа. Тогда уж точно молодого Ратманова ничто не спасет от законного возмездия, и как бы его самого не пришлось спасти от праведного гнева Анастасии Меркушевой. Но эти тайные мысли совсем не предназначались для чьих-то ушей, и Меркушева-старшая благоразумно не произнесла их вслух. – Но я тем не менее не могу испытывать к нему прежнее уважение и симпатию, – произнесла она сухо и с вызовом глянула на мужчин. – Вероятно, я бы тоже отказала своему будущему мужу, если была бы не уверена в его порядочности. – Она невольно скользнула взглядом по старшему графу, заметила, как вмиг закаменело его лицо, и отвернулась, чтобы не выдать своего торжества. Даже если он не узнал ее, пусть эти слова заставят его задуматься, прежде чем он начнет подыскивать себе невесту.

К чести Фаддея, он не собирался сдаваться и снова бросился на защиту своего друга:

– Сударыня, вы же не станете отрицать, что эти сплетни и домыслы, которые так больно ударили по вашей семье, вызваны не чем иным, как элементарной завистью и, возможно, ревностью. Андрей подтвердит мои слова. Как только стало известно о наследстве, за обоими братьями устроили настоящую охоту. А потом до всех дошли подробности завещания, и я лично знаю несколько дам, которые были на грани безумия, узнав, что Серж на этот раз окончательно ускользнул от них.

– Выходит, его оклеветала одна из отвергнутых женщин? – уже более спокойно спросила Ольга Ивановна.

– Слушай, слушай их, *ma chere!* – проскрипел Райкович. – Эти господа давно известны своим умением обводить вокруг пальца и менее доверчивых дамочек.

– Ваша бдительность делает вам честь, господин Райкович, но, кажется, никто не спрашивает вашего мнения по данному вопросу. Это наши семейные дела, и прошу вас не лезть со своими замечаниями, пока вас об этом не попросят! – оборвал его Андрей и взглянул на сидящую рядом женщину. – Думаю, мы с Фаддеем должны немедленно найти их, пока этот дуралей не натворил непоправимых бед.

– Я прикажу срочно приготовить экипаж! – Ольга Ивановна решительно промокнула свой нос и посмотрела на мужчин. – Моя карета довольно вместительна и с хорошими рессорами. Мы едем немедленно, нужно догнать их до наступления ночи, и никаких возражений, если не хотите, чтобы я сошла с ума, дожидаясь, пока вы доставите их сюда.

– Никто не собирается вам возражать, сударыня, однако я предпочитаю путешествовать в собственном экипаже, – ответил граф, – но прежде стоит подумать, что мы скажем гостям, как объясним им отсутствие жениха и невесты.

Ольга Ивановна похолодела. Она уже встала и приготовилась выйти из кабинета, но слова Андрея поразили ее как удар молнии.

– О боже! – почти проронала она. – Я совсем забыла о них! Что теперь делать?

– Советую сообщить о случившемся вашему дворецкому, а он, надеюсь, сообразит, что лучше всего сказать по этому поводу слугам.

– Пожалуй, граф, вы правы, – согласилась Меркушева и позвонила в колокольчик.

К ее удивлению, Антон совсем не удивился подобному повороту событий и, вежливо склонив седую голову, сказал, что, по его мнению, слуг и гостей следует известить о том, что барышня заболела и венчание пришлось отложить до ее выздоровления. Разумеется, весь

этот обман может выплыть через некоторое время, но по крайней мере им удастся выкроить несколько дней, чтобы догнать беглецов и придумать достаточно убедительное объяснение их поступку для многочисленных друзей и знакомых, пока это невероятное происшествие не стало всеобщим достоянием.

Антон вернулся к своим обязанностям, а Ольга Ивановна окончательно осушила слезы, приняла свой обычный величественный и неприступный вид и в сопровождении трех мужчин спустилась на первый этаж, чтобы предстать перед заждавшимися гостями.

Гости, конечно, были слегка разочарованы, но хозяйка в утешение предложила превосходный ужин, и это в некоторой степени успокоило и развеселило всех приглашенных. Да и сообщение о том, что младший Ратманов был вызван неожиданно в столицу по каким-то очень важным делам, поступившее из уст старшего брата жениха, также не возбудило у большинства собравшихся особых подозрений.

Глава 5

На подступах к хутору их встретили три огромные собаки. Молча окружили путников и сели на некотором расстоянии от них, каждый раз вскакивая и угрожающе рыча, стоило лишь Сергею или Насте пошевелиться.

– Вот те раз! – Сергей снял шляпу и потряс ею в воздухе перед носом самого большого пса. Тот утробно рыкнул, сверкнув маленькими глазками, спрятанными в космах свалявшейся шерсти, словно предупредил: «Не подходи, господин хороший, пожалеешь!»

– Да, серьезный зверь, – вздохнул Сергей, – но позвать на помощь он, надеюсь, мне позволит. – Он опустил на землю поклажу, ободряюще улыбнулся погрузневшей было девушке и, приложив руки ко рту, несколько раз прокричал: – Эй, там, на хуторе, есть кто живой?

В окнах старого бревенчатого дома, окруженного хозяйственными постройками, по-прежнему было темно, и графу пришлось неоднократно повторить свой призыв, прежде чем в окнах затеплился, а потом задвигался слабый огонек. Кто-то кряхтя поднял засов на воротах, и в щель высунулась голова мужика, борода и шевелюра которого, на первый взгляд, ничем не отличались от всклокоченной шерсти четвероногих сторожей.

Мужик поднял вверх фонарь, некоторое время вглядывался в две темные, не смеющие сдвинуться с места фигуры, мужскую и женскую, и потом недовольно пробурчал:

– Пошто орете? Спать людям мешааете!

– Мы от свояка твоего, милейший, от Ивана, – достаточно учтиво ответил граф, хотя был на грани того, чтобы плюнуть на псов и хорошенько вздуть мужика: его попутчица уже изрядно замерзла. Сергей заметил, как Настя несколько раз зябко поежилась.

Но мужик, услышав знакомое имя, свистнул псов, и, когда они, поджав хвосты, подбежали к нему, неожиданно отвесил им по изрядному пинку. Собаки взвизгнули и скрылись в подворотне. Хозяин молча оглядел нежданных гостей и угрюмо проворчал:

– Переспать место найдется, но на перины не рассчитывайте! Хотите, на сеновале располагайтесь, хотите, в сенцах на полатах. Поесть, окромя молока и хлеба, нет ничего, да и то, если хозяйку разбуду, – он развернулся и пошел к дому.

Сергей и Настя прошли за ним и замерли на пороге. У входа в горницу стоял огромный детина с совершенно лысым черепом и странными, навывкате, глазами. Детина, словно грудной младенец, пускал пузыри и безмятежно улыбался, поигрывая своей страшной игрушкой – большим мясницким топором. Хозяин взял из его рук топор и подтолкнул парня в спину: «Иди спать, Мишаня! Это свои, от дядьки Ивана».

Мишаня выпустил изо рта особенно большой пузырь, радостно захихикал и, вытянув в сторону Насти толстый кривой палец, что-то нечленораздельно прогнусавил.

– Девка, девка, – закивал головой мужик и более настойчиво подтолкнул парня ко входу в горницу. – Иди ужо! Напугаешь добрых людей! – И, мрачно усмехнувшись, пояснил: – Дурачок он, богом убитый. Из жалости держим. Больно уж хорошо за скотиной ухаживает.

Из глубины дома послышался стук, будто что-то тяжелое свалилось откуда-то сверху, и вслед за этим раздался скрипучий голос:

– А чтоб тебя, дубина ты стоеросовая, опять приступку от печи убрал!

– Акулина! – крикнул хозяин. – Поддай-ка ночевщикам молока да хлеба!

– Сам поддай, коли дюже приспичило! – раздалось в ответ, но через некоторое время на пороге появилась растрепанная баба в засаленном сарафане и, слеповато прищурясь, сунула в руки Сергею глиняный горшок с молоком. – Носят тут черти всяких по ночам! – довольно недружелюбно проворчала она. – А хлеба нету. Мишка с вечера сожрал последнюю ковригу, – она подозрительно оглядела Сергея, потом Настю. – Че по ночам шастаете, людям покою не даете?

– Больно неласкова ты, матушка, как я погляжу, – усмехнулся граф, – не по христианскому это обычаю гостей на пороге держать.

– От таких гостей, поди, не соберешь костей, – баба уперла руки в бока. – Нынче за постой платить положено, а не лясы без толку точить.

– От Ивана они, Акулина, – пробурчал за ее спиной хозяин. – Видно, опять застряли, господа хорошие?

– А мне хошь от Ивана, хошь от Трофима, – не сдавалась Акулина. – Зря, что ли, среди ночи поднялись?

– Успокойся, матушка, на вот, держи! – Сергей достал бумажник и отсчитал несколько ассигнаций. – В городе столько номер в хорошей гостинице стоит.

Баба оттолкнула руку хозяина, потянувшуюся было за деньгами, выхватила их из рук Сергея и запихала за пазуху, потом почесала у себя под мышкой и уже более дружелюбно проговорила:

– Подай им, Никита, тулуп да одеяло с печки. Пускай тут в сенях устраиваются, а то на сеновале небось задубеют.

– Ну что ж, спасибо и на этом, хозяйюшка, – Ратманов шутливо поклонился. – Уважила! – И посмотрел на хозяина: – Свояк твой просил поутру батраков послать, экипаж из грязи вытащить.

– А что, и пошлем, – опять встряла Акулина. – За деньги-то и черта с преисподней вытянуть можно! – Она метнула быстрый взгляд на девушку, потом на мужчину и, недобро усмехнувшись, удалилась в горницу, где тут же принялась визгливо поносить на чем свет стоит слюнявого Мишаню. Очевидно, тот не удержался и что-то сожрал под шумок.

Хозяин снял с гвоздя висевший тут же в сенях тулуп, потом вошел в дом и вернулся с рваным лоскутным одеялом.

– Устраивайтесь как-нибудь! – пробурчал он глухо и ушел, забрав с собой фонарь. Настя робко дотронулась до руки графа и прошептала:

– Тут что, только одни полати?

– Скажите спасибо, что на улице не пришлось ночевать! – Граф расстелил одеяло, бросил в ноги тулуп. – Ложитесь, Настя, и постарайтесь заснуть.

– А как же вы, Фаддей? – девушка гляделась в темноту. – Вам ведь тоже надо отдохнуть.

– Не думаете ли вы, что я всю ночь буду сидеть вот на этом порожке? – усмехнулся граф. – Придется вам потесниться на этом прокрустовом ложе. Надеюсь, тот слюнявый отрок не придет ночью слегка подкоротить меня.

– Нам придется спать вместе? – ужаснулась Настя. – Но ведь это неприлично!

– Об этом надо было думать чуть раньше, когда вы замыслили сумасбродный побег, Настенька, – весьма ехидно заметил граф. – Вы сами выбрали это грязное, зловонное одеяло вместо объятий молодого мужа. И хотите вы этого или нет, но до утра вам придется терпеть мое присутствие под вашим боком.

– Ну что ж, это еще не самый худший вариант, – вздохнула девушка и сняла пальто. – Как бы ни было все плохо, в одном мне повезло, что вы тоже решились, раз последовали за мной. – Она вскарабкалась на полати и попросила: – Подайте мне, пожалуйста, саквояж, Фаддей.

Граф поднял саквояж с пола и пробормотал:

– Бойтесь, что его наша хозяйка к рукам приберет?

Настя не ответила, но Сергей заметил, что она поставила его поближе к изголовью. Все-таки интересно узнать, какие такие ценности скрывает его невеста в своем багаже? Он достал портсигар, но курить расхотелось, и он вернул его в карман сюртука. Карманные часы показывали два часа ночи. До рассвета не меньше трех часов, но вряд ли ему удастся заснуть после стольких треволнений. Он приоткрыл дверь, и тут же у дверей вырос тот самый косматый пес, что встал на их пути к хутору.

– Славные порядки! – усмехнулся Сергей. – Собаки не только в дом не пускают, но и не выпускают.

Он закрыл дверь и подошел к полатам. Настя лежала с открытыми глазами и, когда Сергей взобрался к ней и лег рядом, отодвинулась к стене.

– Послушайте, – прошептал мужчина, – не нужно делать вид, что я кусаюсь. Как бы вы ни пытались вжаться в стену, нам все равно придется делить этот тулуп на двоих. Конечно, я могу отодвинуться на самый край и уступить его вам. Но вы же не заставите меня дрожать всю ночь, как заячий хвост?

– Хорошо, – прошептала Настя. – Представляю, что скажет мне мама, когда узнает, с кем и как я провела эту ночь.

– Кажется, вы уже пожалели о своем поступке, Настя? – спросил тихо граф и поймал себя на том, что заботливо подтыкает край старого пыльного тулупа под спину той, с которой должен был лежать сейчас в роскошной кровати под... Он отдернул руку и откинулся на спину. Похоже, этот белый балдахин становится навязчивой идеей... Сергей почувствовал, как жаркая волна растекается по его телу. Он представил лежащую рядом с ним девушку в свете свечей в тонкой кружевной сорочке... Хотя нет, к этому времени он уже освободил бы ее от одежды, чтобы ничто не мешало им любить друг друга... В этот момент дыхание Насти коснулось его щеки, и она едва слышно прошептала, не подозревая о тайных, не совсем благочестивых мыслях своего спутника:

– Как вы думаете, Фаддей, сумеем мы за два дня добраться до Самары?

– Не стоит загадывать. – Сергей повернулся на бок и осторожно коснулся пальцами девичьей щеки. Настя слегка вздрогнула, но не отодвинулась. – Насколько я знаю своего брата, он не усидит на месте и, вполне возможно, отправится в погоню...

Девушка отбросила его руку и села.

– Какого брата? Кого вы имеете в виду? – прошептала она ошеломленно. – Я что-то не понимаю вас.

Сергей чертыхнулся про себя и тоже сел.

– Успокойтесь, так я обычно называю Сергея, и, думаю, он все-таки решит прояснить до конца причину вашего побега.

– Господи, этого еще не хватало! – произнесла обеспокоенно Настя и подтянула к себе саквояж. – Возможно, нам следует попросить хозяина довезти нас, не дожидаясь утра, до почтовой станции, а там нанять другой экипаж?

– Уймись, Настя! – Граф мягко потянул ее за руку, приглашая лечь, и вдруг, как и тогда в лесу, нашел своими губами ее губы и приник к ним. Что ж, если он намерен совратить ее в самом ближайшем будущем, почему бы не закрепить тот небольшой успех, которого он добился при первом их поцелуе в лесу?

Но на этот раз девушка вывернулась из его рук и сердито прошептала:

– Вам не кажется, господин Багрянцев, что вы поступаете недостойно, вторично злоупотребляя моим доверием?

– Простите! – Граф виновато погладил ее по руке. – Спите спокойно, до утра нам отсюда не выбраться! Хозяина вряд ли получится уговорить, а если мы решимся покинуть хутор без его ведома, собаки все равно нас не выпустят.

– Фаддей, мне почему-то страшно! – Настя вновь пододвинулась к молодому человеку. – У этого парня такая жуткая физиономия. – Она вздрогнула и вдруг обняла Сергея за шею и прижалась к нему. – Не судите меня строго, но с вами я чувствую себя в безопасности. – Она уткнулась лицом в его грудь. – Я уже испортила свою репутацию, так что ничего страшного, если вы поцелуете меня еще раз.

Фаддей был так близко, что она ощущала исходящий от него слабый запах хорошего табака, смешанный с ароматом французского одеколона. Покидая родной дом, Настя и не подо-

зревала о том, что уже этой ночью будет лежать в объятиях малознакомого мужчины и почти умолять его о поцелуе. Таким, возможно не очень приличным, способом она пыталась, пусть на время, избавиться от мук совести, которые постоянно испытывала, представляя заплаканное лицо матери. Ведь ей одной пришлось держать сегодня ответ перед светским сбродом, заполнившим их дом накануне свадьбы, и стараться найти достойное объяснение поступку своей дочери, который не поддавался никакой логике и грозил остаться вечным позором и унижением для их семьи.

А как сам жених воспримет это известие? Неужели и вправду бросится в погоню? Этого ей не доставало! Настя еще крепче прижалась к человеку, к которому испытывала непонятное влечение с первой минуты их встречи на постоялом дворе. Вероятно, именно это чувство заставило ее обратиться к нему за советом, а потом позволить проводить себя до первой почтовой станции.

Разве можно так быстро влюбиться? И не ошибается ли она, надевая Фаддея Багрянцева качествами, которыми он вряд ли обладает?

Мать постоянно твердила Насте о том, что нельзя поддаваться первому чувству. На свете множество красивых мужчин, преуспевших в искусстве оболыщения легковверных дурочек. Стоило ей встретить на своем пути человека, который отличается от других, и все, она потеряла голову!..

Настя никогда прежде не целовалась с мужчинами, хотя и считала себя какое-то время влюбленной в одного очень худого молодого человека с пылающим взором, впалой грудью и радикальными взглядами на жизнь. Любовь эта была тайной и ничего, кроме болей в желудке, ей не принесла. Дело в том, что в доме, где обычно она могла встретить Шарля Кассье, подавали лишь черствые бутерброды и жидкий, слегка подслащенный чай... К счастью, эта любовь угадала так же быстро, как и возникла...

На вечеринке, которую устроили по случаю отъезда Шарля и его товарищей в далекий Трансвааль,² ее влюбленность улетучилась в тот самый момент, когда пьяный доброволец потащил смотревшую на него восторженными глазами русскую девушку за руку в сад и попытался овладеть ею прямо на грязной, усыпанной окурками лужайке. Тут она вспомнила, чему ее учил отец, который, очевидно, предвидел, какие опасности могут подстерегать очень красивую, но неопытную девушку. Через мгновение Шарль ползал на четвереньках по мокрой траве и из последних сил сыпал проклятиями в адрес девицы, которая, того не сознавая, вывела из строя пламенного борца за счастье непокорных африканеров. Чуть позже она узнала, что бедные буры так и не дождались помощи и потому, очевидно, не сумели справиться с англичанами, а Шарль Кассье был вскоре убит своим приятелем в их жалкой квартирке на улице Па-де-ла-Мюль. Оказывается, друзья не поделили щепотку кокаина, до которого были великими охотниками...

Настя вздохнула. Вероятно, эта печальная история так ничему ее не научила, если она бросается в объятия малознакомого человека. Но тем не менее она ничего так не желает, как повторения того божественного поцелуя, который он подарил ей в лесу. Девушка задыхнулась от предчувствия небывалого, совершенно нового для нее ощущения, которое она испытала в то мгновение, когда его губы завладели ее губами. Настя была уверена, что Фаддей тоже хочет ее поцеловать, иначе зачем стал бы предпринимать недавнюю попытку, которую она так опрометчиво пресекла.

Девушка закрыла глаза. Кровь быстрее побежала в жилах, сердце учащенно забилося, когда мужское дыхание коснулось ее лица. Мягкие теплые губы тронули уголок ее рта, но ожидаемого поцелуя не последовало.

² Трансвааль – сейчас Южно-Африканская Республика, жители которой, буры (африканеры), вели освободительную войну (1899–1902) против англичан.

Вместо этого Настя ощутила, как его пальцы легли на ее губы, очертили их контур и шершавая мужская щека прижалась к ее щеке.

– Простите меня, Настенька, – услышала она едва различимый шепот. – Я не должен вести себя подобным образом. Я не имею никакого права целовать вас. – Сергей дотронулся губами до открытого участка девичьей шеи, чуть выше воротника, и, глухо простонав, отодвинулся от Насти, почувствовав, как дрожь волной пробежала по ее телу. – Нам еще не один день придется быть вместе, но это путешествие очень быстро закончится. – Голос его дрожал от напряжения, но он нашел в себе силы унять лихорадочное возбуждение и не испугать девушку. Губы пересохли, спазм в горле мешал ему сосредоточиться, но Сергей тем не менее продолжал говорить, убеждая прежде всего самого себя в недопустимости поведения, которое способно довести их до катастрофы. – А последствия, если мы будем вести себя неосмотрительно, могут оказаться губительными для вашей репутации и дальнейшей судьбы в особенности. К сожалению, я не имею достаточно средств, чтобы жениться, и поэтому, как бы мне ни хотелось этого поцелуя, я должен прежде всего думать о приличиях, а не о своих желаниях...

«Господи, что я болтаю?» – подумал он, совершенно не понимая, почему вдруг оттягивает сладостный миг мести. Представится ли еще подобная возможность, наступит ли вновь та минута, когда Настя так же доверчиво прильнет к нему и он без страха и сомнения овладеет ею? Сердце его сжалось, а на лбу выступил пот от внезапного чувства стыда и запоздалого раскаяния. С какой стати он затеял эту дурацкую игру в кошки-мышки? При чем тут эта милая, славная девочка, ничего не подозревающая о его преступных замыслах? Девочка, которая искренне верит в любовь и совершенно не виновата в том, что существуют на свете люди с мелкой, грязной душонкой, способные из одной лишь зависти втоптать в грязь самое святое, что есть у человека, – его надежду на счастье.

– У вас талант убеждать, Фаддей. – Настя убрала руку с плеча графа и отвернулась. Чувствовать себя отвергнутой крайне тяжело, но, когда тебе объясняют, что тобой пренебрегли из моральных соображений, становится вдвойне тяжелее от чувства вины за свое непозволительное поведение.

– Не обижайтесь, Настенька, уже наутро вы скажете спасибо, что наши отношения не зашли слишком далеко. – Сергей положил ладонь на плечо девушки, но она сбросила ее и сердито пробормотала:

– Спице, господин поэт! – И язвительно добавила: – Интересно, насколько ваши моральные принципы зависят от толщины кошелька? Я думаю, стоит его наполнить, и вы ни в чем не будете отличаться от своего гнусного приятеля.

Граф опешил, но предпочел не отвечать на этот явно враждебный выпад бывшей невесты. Оскорбленная в своих лучших чувствах женщина в некоторых случаях способна стереть с лица земли Карфаген, только бы досадить обидчику.

* * *

Настя почувствовала нестерпимое желание прогуляться по свежему воздуху. Поэт спал рядом сном младенца, и девушка, чтобы избежать объяснений, потихоньку откинула край тулупа и бесшумно соскользнула с полатей. Дверь едва скрипнула, выпуская ее наружу, и она осторожно осмотрелась по сторонам, вспомнив о собаках. Но вокруг было тихо, дождь окончательно прекратился, а на востоке пробился первый, совсем еще робкий луч солнца. Настя поежилась. зуб на зуб не попадал от предрассветного холода. Она пробежалась по траве, росшей у стены дома до ближайшего угла, огляделась и нырнула в заросли какого-то кустарника. Через некоторое время показалась оттуда и направилась было к дому, как внезапно увидела дурачка, который с топором под мышкой подкрался к дверям сеней, постоял некоторое время, прислушиваясь, и так же неслышно влез в окно горницы, лишь слегка стукнув створкой.

Не чуя под собой ног, Настя влетела в сени.

– Что случилось? – Фаддей смотрел на нее сверху вниз. – Если собаки за вами гонятся, так я предупредил, что они далеко не выпустят.

– Помолчите, пожалуйста, – прошептала Настя и, приняв в помощь его руку, влезла на полати. Потом приблизила к нему свое лицо и прошептала: – Там, во дворе, этот слюнявый дурачок с топором ходит.

– Он вас заметил?

– Вроде бы нет. Но вам не кажется странным, что идиоту позволено разгуливать с топором? У него же на морде написано, что он чуть больше полена соображает!

Граф усмехнулся, но промолчал и спрыгнул с полатей. Все-таки стоило убедиться собственными глазами, что этот милый лестригон³ не поджидает их в засаде со своей любимой игрушкой.

Он весьма удачно совершил пробежку почти в том же направлении, что и Настя, но, в отличие от девушки, сразу заметил их экипаж, стоявший под навесом. Лошади были привязаны поодаль у яслей с сеном. Но Сергей не успел порадоваться, что забот с вызволением экипажа поубавилось. Его внимание привлекло открытое окно, из которого слышались приглушенные голоса, и среди них явственно выделялся пьяненький говорок их кучера:

– ... Обрадовался, что девка решила одна ехать. А потом этот барин на ходу в экипаж запрыгнул. Ну, думаю, ничего! Мишане не привыкать! Ему что мужик, что баба... Поначалу, правда, боялся, вдруг спросят, почему станции долго нет, но нет, смотрю, даже не удивились, что в болото въехали...

Сергей застыл на месте, потом, пригнувшись, приблизился к окну. Разговор в горнице, без сомнения, шел о них с Настей и, кажется, ничего хорошего им не сулил! В лучшем случае хозяева замыслили простое ограбление, а если хуже? Не зря же этого придурка с топором вспомнили...

– У барина-то видел бумажник? – раздался сиплый голос Акулины. – Не считая, двадцать пять рублей отвалил. С него одного тыщи две возьмем ассигнациями, да кольцо на руке золотое, да и у девки что-нибудь в сундуке сыщется. Сразу видно, что барышня не из бедных...

– Опять ты, дура бестолковая, заранее денежки считаешь? – рывкнул прямо над ухом Сергея хозяин. – Смотри, сглазишь!

– А чево? Мишаня свое дело знает! Уже час топорик на изготовку держит. Беспокоится только, что девку ему не отдашь! Больно у него одно место на нее чешется! – Акулина грязно выругалась, а мужики оглушительно захохотали.

– На этот раз и я бы не прочь позабавиться с барышней, – кучер еле ворочал языком. – Красивая больно! Я ее сперва даже пожалел. Долго ей мучиться придется, если к Мишане в руки попадет. Та, предыдущая, дня три кричала, пока он ей язык не вырвал...

Сергей буквально в два прыжка преодолел расстояние до дверей в сени и распахнул их. Настя по-прежнему сидела на полатах, прижимая к себе саквояж.

Господи, за эти мгновения он чуть не сошел с ума, представив ее в лапах этого слюнявого чудовища.

– Что случилось, Фаддей? – прошептала девушка испуганно. – На вас же лица нет!

– Потом все объясню. Одевайтесь быстрее и бежим, пока хозяева нас не хватились. – Сергей подал Насте шляпку и приготовился помочь ей сойти с полатей, как за дверью, ведущей в горницу, послышались шаги, и, тихо скрипнув, она приоткрылась.

Не раздумывая ни секунды, Сергей вскочил на полати и прошептал:

– Настя, нас идут убивать! К сожалению, у меня, кроме перочинного ножа, нет никакого оружия. Но даю слово, я буду защищать вас до последнего!

³ Лестригон – великан-людоед из поэмы Гомера «Одиссея».

– Мы можем уйти через чердак, – девушка на удивление не растерялась и говорила вполне спокойно, – я, пока вас дожидалась, люк в потолке рассмотрела. Прямо у нас над головой. Подсадите меня, а я вам руку подам...

Через мгновение они были на чердаке. Сквозь многочисленные щели в крыше виднелось серое в предзвездных сумерках небо, но в сенях было по-прежнему темно, и Сергей опустился на колени, чтобы рассмотреть, что же все-таки творится внизу. Он все еще не мог поверить, что подслушанный им разговор не жуткий сон и они попали в настоящую ловушку. Он услышал тяжелое сопение, и в следующее мгновение Мишаня, крадучись, подошел к полатам и замер, прислушиваясь. Затем осторожно дотронулся до тулупа, словно проверял, на месте ли его жертва, и тут же, исступленно взвизгнув, наотмашь ударил топором. Настя судорожно схватила Сергея за руку, но он бросил на нее яростный взгляд и молча толкнул в сторону дальнего конца чердака. Настя послушно отбежала на несколько шагов, открыла свой саквояж и достала из него один сверток, другой... «О, черт! – выругался про себя граф. – Нашла время в тряпках копаться!..»

Мишаня тем временем, судя по звуку, ударил топором во второй, потом в третий раз... И вдруг заверещал, как раненый заяц, тоненько и пронзительно, очевидно обнаружив, что на полатах никого нет. Вслед за ним, словно кликуша на паперти, заголосила Акулина, страшно выругался хозяин: побег обнаружили!

Внизу творилось что-то невообразимое: Мишаня, похоже, разошелся не на шутку и, издавая дикие вопли, крушил все подряд своим топором. Акулина и в хвост, и в гриву костерила трех дармоедов, прощляпивших такую легкую добычу. Кучер и диковатый хозяин отчаянно, в два голоса, матерились...

Сергей вскочил на ноги и, подбежав к Насте, схватил ее за руку.

– Бежим, пока эти ублюдки не опомнились, – прошептал он. – Внизу у конюшни – две лошади. Попробуем до них добраться. Главное, чтобы собак не выпустили!

Девушка сунула ему в руку какой-то тяжелый предмет, завернутый в шелковый шарф, и прошептала:

– Возьмите пистолет. У меня их два!

Сергей хмыкнул, но выяснять, с какой целью юная девушка возит с собой два заряженных пистолета, времени не было. Над люком показалась лысая голова с вытарашенными глазами, и идиот, точно огромный орангутанг, одним прыжком взлетел на чердак. Граф, не целясь, выстрелил, и, судя по пронзительному визгу, пуля Мишаню не миновала. Вслед за этим раздался глухой удар и дикий нечленораздельный рев. «Это животное и приземлилось неудачно», – со злорадством, недостойным христианина, подумал граф и, схватив Настю за руку, почти отбросил ее к чердачному окну. Но оно было слишком узким даже для девичьей фигурки, поэтому ударом ноги пришлось выбивать не только раму, но и соседние доски. Сергей первым выбрался на карниз и застыл у самого края, прикрывая спиной Настю: из дома бежал хозяин с ружьем в руках, следом кучер с топором Мишани. Неожиданно прогремел выстрел. Сергей увидел, как кучер подпрыгнул на месте и завалился на бок, а хозяин прицелился, и заряд дроби впился в доски над головой графа. Он слегка присел и оглянулся. Его боевая подруга лихо подмигнула ему и крутанула пистолет на пальце.

– Прыгаем! – крикнул он и показал Насте на небольшую кучу сухого навоза у стены. Девушка приземлилась удачнее, а Сергей, который держал в руках ее саквояж, сильно ушиб колено и, зашипев от боли, опять выругался про себя. Разве таким он представлял себе утро после первой брачной ночи? Вместо счастливой улыбки молодой жены он должен почему-то созерцать рожу бородатого мерзавца, преградившего им путь к спасению, да ублюдка Мишаню, возникшего на пороге дома. Правая его рука висела как плеть, вся рубаха была залита кровью, но идиот подхватил валявшийся рядом с кучером топор и устремился наперерез беглецам. И тут Настя вновь удивила графа. Привалившись к стене дома, она быстро перезарядила оба

пистолета, вытаскивая патроны из кармана пальто, один бросила Сергею, а из второго, почти не целясь, выстрелила в Мишаню. Парень молча завертелся на одном месте, потом выронил топор и, схватившись за колено, упал на землю. Его оглушительный вой раздался одновременно с яростным лаем собак. Не замеченная беглецами, Акулина, оказывается, успела отворить двери амбара, и три огромных пса мчались через двор навстречу молодым людям.

– Настя, к лошадям! – крикнул что было сил граф и перебросил ей перочинный нож. – Режь постромки!

Он не видел, выполнила ли его команду Настя. В следующее мгновение он ударом в челюсть отправил в нокаут хозяина хутора и разрядил пистолет в уже знакомого кудлатого пса. Второй пес молча бросился ему на грудь, и Сергей двинул его Настиным саквояжем по голове, отправив вслед за собратом в могилевскую губернию. Оглянувшись, он заметил, что Настя пытается увернуться от Акулины. Старая карга достаточно резво гналась за ней с вилами в руках. В этот момент третья собака настигла графа. Сергей ногой отбил попытку пса вцепиться ему в горло и краем глаза заметил, что хозяйка уже без движения лежит на земле, а Настя у коновязи пытается перерезать ножом сыромятные поводья. Хозяин замычал что-то и заворочался на земле, собака, присев на задние лапы, приготовилась к новому прыжку, и Сергей, не раздумывая, подхватил с земли вилы, оброненные Акулиной, и метнул их в осатаневшего от первой неудачи пса. В следующее мгновение граф Ратманов был уже у коновязи. И только тут он обнаружил, что лошади не оседланы. В детстве ему не раз приходилось скакать без седла, но как быть с Настей, тем более с ее узкой юбкой?..

Но девушка сама нашла выход из положения. Наклонившись, она полоснула ножом по юбке, распоров ее на две половины. Потом повернулась к Сергею спиной и приказала: «Режьте!» Через секунду юбка превратилась в два куска материи, которые удерживались на талии и бедрах только на широком кожаном ремешке.

Сергей подсадил девушку на лошадь, стараясь не замечать открытых ног своей бывшей невесты. Бросив последний взгляд на поле битвы, он заметил, что псы не подают признаков жизни, хозяин, стоя на четвереньках, старается подтянуть к себе ружье. Раненный в ногу идиот на животе ползет к дому, да и Акулина была жива, ворочалась на земле, пытаясь перевернуться со спины на живот. Только кучер лежал неподвижно, и по его позе трудно было понять, то ли он мертвецки пьян, то ли уснул навеки, успокоенный пулей из Настиного пистолета.

Настя направила свою лошадь к плетню, опоясывающему усадьбу, и достаточно ловко преодолела его. Сергей быстро догнал ее и отметил для себя, что девушка неплохо держится верхом. Сжимая бока лошади ногами в тонких ажурных чулках, она, похоже, не испытывала никакого стеснения по поводу своего необычного вида. Сергей натянул поводья и остановил лошадь, чтобы осмотреться по сторонам. Настя оглянулась на него.

– Тут поблизости село должно быть! – крикнула она спутнику, и, словно подтверждая ее слова, откуда-то из-за леса проголосил один петух, второй, третий... И всадники направили лошадей через луг, над которым стелился низкий утренний туман, а навстречу им протянулись длинные рыжие лучи восходящего над миром дневного светила.

Глава 6

– Как я тебя понимаю, дорогая, как сочувствую! – Глафира Дончак-Яровская, одна из самых близких подруг Ольги Ивановны, шурша шелковыми юбками, вплыла в ее будуар. – Столько сил отдать подготовке к свадьбе, не спать ночами, переживать, волноваться... – Она промокнула глаза крошечным платочком и, прежде чем горничная Меркушевой успела удивленно вскрикнуть, вырвала из ее рук косынку, издающую запах мяты. – Милая моя, сейчас уже никто не лечит мигрень мятой, лучшее средство – лавандовое масло, нужно смазать виски... – Тут она заметила Райковича, восседающего в дальнем темном углу будуара, вежливо с ним поздоровалась и спросила с явной укоризной: – Почему вы не посоветовали Оленьке то средство, которое спасло меня позавчера от ужасной головной боли?

– Ольга не выносит запаха амбры, – ровным гнусавым голосом произнес Райкович и, скрестив руки на груди, добавил: – К тому же, Глафира Афанасьевна, я не совсем уверен, что именно курение пастилок сняло вашу мигрень. По-моему, два бокала мадеры, которые вы выпили за обедом, помогли вам гораздо больше, чем эта гадость.

Глафира негодуяще фыркнула и отвернулась. Райкович был единственным человеком, с которым она предпочитала не спорить, зная его вздорный и неуживчивый характер. К тому же подруга нуждалась в помощи, и она вновь обратила свои взоры на Ольгу Ивановну.

– Голубушка моя, теперь я буду ухаживать за тобой, пока тебе не станет лучше, – она окинула Меркушеву критическим взглядом. – Хотя по твоему виду не скажешь, что ты страдаешь от головной боли. Это удивительно, но у тебя прелестные розовые щеки и глаза как-то странно блестят, – она вздохнула. – Признаюсь тебе, во время приступов мигрени я становлюсь похожей на привидение. Правда, никто и не страдает такими сильными мигренями, как я! – Глафира поджала губы и, настороженно оглянувшись на Райковича, произнесла: – Боюсь, ты что-то скрываешь от меня, дорогая? Эта внезапная болезнь Насти, отъезд графа... Кое-кто находит это подозрительным!

Ольга Ивановна сжала зубы и подумала про себя, что с удовольствием открутила бы этой надутой гусыне голову, но сейчас она была способна лишь на то, чтобы закрыть глаза и как можно убедительнее простонать:

– Прошу тебя, дорогая, оставим все разговоры до завтра. У меня нет сил в чем-то убеждать или разубеждать тебя.

– Хорошо, хорошо, – торопливо прошептала Глафира. – Надеюсь, к утру у тебя все пройдет, и мы обсудим, как тебе поступать дальше.

Глафира Дончак-Яровская была одной из тех светских дам, которые стремятся задавать тон и создавать общественное мнение всегда и везде, где бы они ни появились. Ее умение проникать в самые сокровенные семейные тайны, разоблачать адюльтеры и другие неблагоприятные поступки почтенных отцов семейств, любовные интрижки благочестивых жен и дурные привычки сыновей снискало ей определенную славу, которой она, несомненно, гордилась и при случае могла похвастаться участием в дюжине крупных скандалов, затеянных не без ее помощи.

Знакомство с Ольгой Ивановной они вели еще с тех пор, когда их впервые стали выводить в свет двадцать лет назад. Глафира и в то время была высокой, чрезвычайно худой и к тому же близорукой девицей. Несколько выпуклые глаза придавали ей вечно удивленный вид. Да так оно и было на самом деле. На протяжении трех сезонов ей не удалось обратить на себя внимание какого-нибудь более или менее приличного молодого человека, поэтому она и пристрастилась к слухам и сплетням, находя утешение в том, что нынешние молодые люди не что иное, как скопище пороков и дурных манер. Со временем она вышла замуж за вдовца с двумя

детьми, через десять лет овдовела, но это только усилило ее неодолимую тягу к скандалам, которые она своим вытянутым носом разнюхивала и распознавала задолго до их огласки.

Она носила причудливые черные парики, скрывающие жидкие волосы, платья с множеством оборок, бантов и рюшей, призванных замаскировать полное отсутствие бюста и бедер, да и обаянием Глафиры никогда не обладала, но тем не менее была хорошо известна в свете и водила множество полезных и приятных знакомств. И, как подозревала Ольга Ивановна, все объяснялось лишь ее страстью к сплетням и слухам, что делало ее идеальным партнером по болтовне за обеденным столом.

В роли лекаря Глафира оказалась менее полезной. Она попыталась сделать подруге примочку с водой, в которую горничная добавила немного яблочного уксуса. Вода потекла по волосам Ольги Ивановны, попала в глаза, и их защипало. Меркушева с ужасом посмотрела на огромное мокрое пятно, расплывающееся по подолу ее платья и розовому бархату софы, на которой она лежала, и простонала:

– Глашенька, дорогая, я благодарна тебе за заботу, но, боюсь, уксусная вода плохо на меня действует.

– Как я тебя понимаю, – трагически закатила глаза мадам Дончак-Яровская. – Подготовка к свадьбе отняла у тебя все силы и здоровье. Твои гирлянды и букеты из роз просто обворожительны, а новая мебель в гостиной... У меня нет слов! – Она склонилась к Ольге Ивановне и, оглянувшись на Райковича, прошептала: – Ты можешь мне полностью довериться. Я в состоянии тебе помочь и прекратить слухи, которые ходят среди гостей...

– Какие еще слухи? – Меркушева забыла о своей роли «больной» и быстро села на софе. – Я не давала никакого повода для слухов.

Глафира поджала губы и осуждающе произнесла:

– Возможно, ты сама и не давала, но исчезновение твоей дочери не осталось незамеченным, потом эти разговоры среди слуг... Неужели Настя отказалась от такого жениха?! Не скрывай, не скрывай, дорогая! – вскрикнула она, заметив протестующий жест подруги. – Я заметила, что граф Андрей неподдельно огорчен подобным поворотом событий.

– Господи, Глафира, какую чушь ты несешь? Я же объяснила, что Настя заболела, а ее жених...

– Ну, это ты кому-нибудь другому рассказывай! – махнула на нее рукой Дончак-Яровская. – С чего бы вдруг молодому графу спешно возвращаться в Петербург? Никто не поверит, что у него нашлись какие-то более важные дела, чем эта свадьба, от которой зависит судьба почти миллиона фунтов стерлингов. Оленька, нужно срочно предпринять меры, чтобы избежать скандала! – Она молитвенно воздела руки и с пафосом произнесла: – О, эти дети! Упрямые, эгоистичные, безжалостные! Им наплевать на родителей и на мнение света!

Ольга Ивановна сжала зубы и ценой невероятных усилий сдержалась, чтобы не встать на защиту своей дочери и не посоветовать этой напыщенной болтунье убираться подобру-поздорову из ее дома. Но тут не выдержал Райкович и проскрипел из своего угла:

– Смею надеяться, что эти обвинения не относятся к нашей Насте. – Он вышел на свет, слегка прихрамывая, подошел к софе и, заложив руки за спину, с презрением посмотрел на Глафиру. – Советую вам, милейшая, отнести эти упреки на счет пяти оболтусов, которых вы имели несчастье произвести на свет. Чего стоит ваш старший Никита с его прыщами и отвратительной привычкой грызть ногти? И к тому же он имеет склонность подшучивать над весьма достойными людьми, которым он и в подметки не годится! – Райкович сердито сверкнул глазами на долговязую сплетницу и проворчал: – Вы критикуете дочь Ольги Ивановны? В жизни не слышал большего вздора. – Он склонился к руке Меркушевой, быстро коснулся ее сухими горячими губами и опять взглянул на Дончак-Яровскую, на какое-то время утратившую способность говорить. – Идите к себе, Глафира Афанасьевна, и придержите свой язык до утра. Завтра на свежую голову вы поймете, что эти жалкие выдумки яйца выеденного не стоят. – Он

сердито стукнул об пол тростью, с которой, похоже, не расставался даже ночью, и, продолжая что-то недовольно ворчать себе под нос, вышел из комнаты.

– Я поражаюсь, Ольга, твоей выдержке! – обиженно фыркнула Дончак-Яровская. – На твоём месте я призадумалась бы, какую репутацию создает тебе непонятная дружба с этим сушеным тараканом, – она с негодованием взглянула на подругу, и та виновато улыбнулась ей в ответ.

– Прошу тебя, не обращай внимания, Ратибор крайне болезненно реагирует на все замечания в адрес Настеньки. Она выросла на его глазах, и он считает себя вправе защищать мою девочку, когда кто-то к ней несправедлив. – Ольга Ивановна страдальчески сморщилась и прижала пальцы к вискам. – Прости меня, Глашенька, мне и вправду о многом хочется с тобой посоветоваться, но давай отложим это на утро. Мне очень плохо сейчас, дорогая! Не займешь ли ты сегодня вечером моих покинутых гостей? А завтра, возможно, я буду в состоянии попрощаться с ними и выразить свое сожаление подобным поворотом событий.

– Ольга, – посмотрела на нее строго Глафира, – надеюсь, твое самочувствие не зависит от того известия, которое могло изменить Настино решение относительно Сергея Ратманова?

Ольга Ивановна призвала силы небесные, чтобы сдержаться и не вытолкать в шею зловредную приятельницу, но вместо этого лишь тяжело вздохнула и пробормотала:

– Ты имеешь в виду... все эти разговоры... о Фелиции Лубянской? Но до сих пор о ней говорили как о любовнице старшего брата?

– В том-то и дело! – С видом опытной заговорщицы Глафира огляделась по сторонам и прошептала: – Эта дамочка не теряет времени, и ее очевидную связь с Сергеем Ратмановым с недавних пор обсуждают в каждой гостиной. Возможно, мне следовало предупредить тебя заранее, но я боялась испортить твое радостное настроение накануне свадьбы. И к тому же я до последнего надеялась, что жених твоей дочери одумается и расстанется с этой эмансипированной лошадкой, – Дончак-Яровская брезгливо скривилась. – Эти длинные папиросы, стриженные волосы, вызывающее поведение, отвратительно безвкусные платья... Я удивляюсь мужчинам, которые клюют на подобные штучки и способны пожертвовать огромным состоянием в угоду экзальтированной дамочке с дурными манерами!

Ольга Ивановна схватила с ночного столика флакон с нюхательной солью и поднесла к носу, но тут же отшвырнула его в сторону и залилась слезами, которые были столь же фальшивыми, как и выдуманная ею головная боль. Но это было единственным средством усыпить хотя бы на короткое время бдительность Глафиры Дончак-Яровской и ее ближайшей подружки Дарьи Пискуновой, которая неустанно рыскала по дому в надежде разузнать что-нибудь, способное пролить свет на таинственные события, из-за которых была отложена свадьба. Одно было плохо – голова начинала болеть по-настоящему, и Ольга Ивановна боялась, что не сможет выдержать ночную поездку до почтовой станции.

Глафира наконец-то сжалась над подругой и, пожелав ей спокойной ночи, прошуршала юбками к двери, но на пороге остановилась и не преминула заметить:

– Будь осторожна, дорогая! Кое-кто уже заметил твое особое расположение к Фаддею Багрянцеву. Конечно, я все прекрасно понимаю. Не каждый день видишь в своем доме подобную знаменитость. Но взгляды, которые он бросал на тебя... – Глафира многозначительно вздохнула, – были слишком красноречивы! Ты не находишь, что это несколько неприлично в нашем возрасте?

Ольга Ивановна почувствовала, что она сейчас взорвется, как вулкан Кракатау, но Глафира словно почувствовала неизбежность надвигающейся катастрофы и быстро покинула ее спальню.

И как только за гостьей захлопнулась дверь, Ольга Ивановна отбросила персидскую шаль, которой прикрывала ноги, и поднялась с дивана.

– Ты все приготовила в дорогу? – спросила она горничную Лушу.

– Да, барыня! – ответила та и выглянула в окно. – Карету, как вы приказали, подадут к заднему крыльцу. А этот барин, который с усами, велел передать, что будут ожидать вас на опушке леса.

Через полчаса Ольга Ивановна в сопровождении Ратибора Райковича и Фаддея Багрянцева, пожелавшего ехать в ее более удобной карете, уселась в свой дорожный экипаж и направилась вслед за каретой графа Андрея к первому пункту своего путешествия – постоялому двору. Там несколько часов назад состоялась уже известная встреча Анастасии Меркушевой с Сергеем Ратмановым.

* * *

Через окно отведенной ей на втором этаже спальни Глафира Дончак-Яровская наблюдала за отъездом большой поскрипывающей рессорами кареты. Рядом с ней молча посапывала вечно простуженная Дарья Пискунова, которая вовремя засекала странную суету на заднем крыльце и поспешила обрадовать свою наперсницу, что их подозрения не лишены основания.

– Вы видите? Что я вам говорила? – возбужденно шептала она, слегка задыхаясь и поминутно вытирая нос. – Это Ольгина карета, вне всякого сомнения! И обратите внимание, с каким трудом лошади вытянули ее со двора. Полагаю, если сейчас спросить у слуг, где их хозяйка и этот противный Ратибор, который ни за что не отпустит ее одну, мы получим достаточно невразумительные ответы.

– Но я только что от Ольги, – с сомнением в голосе произнесла Глафира. – Она пластом лежит в своей постели. И потом, зачем ей отправляться куда-то на ночь глядя?

– В погоню за собственной дочерью! – с нескрываемым торжеством возвестила Пискунова и прижала руку к массивной груди, словно пыталась унять чрезмерное сердцебиение от предвкушения той пикантной новости, которую она приготовилась сообщить своей менее расторопной приятельнице. – Мне удалось подкупить одного из конюхов, и он рассказал, что Настя сбежала из дома, причем прямо в подвенечном платье. А дворецкий пригрозил лично оторвать голову тому из слуг, кто проболтается о побеге барышни из-под венца...

– Не может быть! – прошептала Глафира. Ее бледные щеки покраснелись, а выпуклые глаза стали еще более круглыми и удивленными, чем обычно. – Это ж верх неприличия! – Она радостно хихикнула и возбужденно потерла ладони. – Попробуем убедиться, что мы не ошиблись.

Они на цыпочках прокрались по длинному коридору в восточную часть дома и остановились у дверей в спальню Насти.

– Конечно, мы поступаем не совсем хорошо, – Глафира бросила настороженный взгляд в одну сторону коридора, потом в другую и предупредила свою напарницу: – В крайнем случае мы объясним, что отправились к Ольге узнать о ее самочувствии, но ошиблись дверью. – Она быстро повернула массивную бронзовую ручку и толкнула тяжелую, украшенную резьбой дверь.

Комната Насти была залита лунным светом, проникающим сквозь не закрытые портьерами окна и освещающим аккуратно прибранную кровать с высокими резными спинками. Тщательно уложенные и взбитые подушки лишней раз подтверждали слова Дарьи о том, что в эту кровать сегодня никто не собирался ложиться.

– Да-а! – восторженно провозгласила Глафира и победно посмотрела на подругу. – Бесспорно, вы правы, девчонка действительно сбежала!

Обе дамы с нескрываемым восторгом переглянулись и поспешили в другой конец коридора, к той самой спальне, которую совсем недавно покинула Глафира и где должна была лежать сейчас в своей постели мать беглянки.

– Я говорила с ней чуть более получаса назад, – сказала Глафира и решительно распахнула дверь.

В этой комнате, как и в Настиной, никого не было, а кровать была прибрана не менее опрятно, и лишь на софе лежала забытая хозяйкой шаль, да на светлом бархате выделялось темное пятно – след от недавно пролитой воды.

Дамы многозначительно покачали головами. И тут же, как по команде, развернулись и уже безбоязненно прошуршали юбками в западное крыло особняка.

– Спальня Райковича, – возвестила простуженным басом Пискунова, остановившись у двери, а Глафира предостерегающе поднесла палец к губам и, немного помедлив, распахнула дверь. И здесь их догадка подтвердилась: комната была пуста!

– Да-а! – проговорила ледяным тоном Глафира. – Ольга, очевидно, совсем сошла с ума, если на ночь глядя отправилась неизвестно куда, да еще в компании с этим несносным Райковичем! – прошептала она, всем своим видом демонстрируя осуждение крайне опрометчивому поступку своей приятельницы. – Вероятно, положение настолько отчаянное, что она не могла дожждаться утра! Но ее скрытность только усложнила ситуацию, – она хитро улыбнулась и подмигнула Пискуновой. – А вы уверены, что граф Андрей и этот толстый увалень Багрянцев находятся в своих постелях?

Комнаты мужчин располагались на первом этаже, но подойти и заглянуть в них мешала терраса, опоясывающая дом с этой стороны. Поэтому Глафире пришлось подсаживать неуклюжую Дарью, помогая ей перелезть через невысокие перила, чтобы попасть на террасу, потом карабкаться самой, цепляясь за руку приятельницы, и только после этого, с трудом переводя дыхание, они прокрались к окнам и заглянули вовнутрь. И полностью были вознаграждены за те усилия, которые они предприняли для достижения цели. Никаких следов пребывания гостей в комнатах не наблюдалось!..

Наконец слегка запыхавшиеся следопыты вернулись на исходные позиции, то есть в спальню Глафиры Дончак-Яровской, и, обессиленные, устроились в креслах напротив окна. Первой отдышалась Глафира и ехидно заметила:

– Боюсь, завтра нам придется выдержать настоящее сражение, когда обнаружится исчезновение не только мамыши и ее дочери, но и кое-кого из гостей, – она радостно хихикнула. – Представляете, какой скандал разразится, если станет известно, что Настя сбежала, а оскорбленный жених вернулся в Петербург!

– Скандал! Определенно скандал! – Дарья даже подпрыгнула в своем кресле от возбуждения и нараспев уточнила: – *Грандиознейший скандал!*

Глава 7

Ольга Ивановна подошла к окну и распахнула обе створки настежь. Было душно, ей не хватало воздуха, вероятно, потому, что к ночи потеплело, а, возможно, немножко шалило сердце после сегодняшних потрясений. Свежее дыхание ветерка было, как никогда, кстати. Она убавила свет в лампе, чтобы не налетели комары, и, облокотившись на подоконник, стала задумчиво смотреть в темноту. Глухо и печально прокричала ночная птица, и сердце Меркушевой зануло еще больше: где же Настя? Где ее бедная девочка? Станционный смотритель из-за своей очевидной тупости ничего вразумительно пояснить не сумел, кроме того, что за последние шесть часов никаких карет мимо не проезжало и никого похожего на ее дочь и молодого Ратманова в небольшой гостинице при станции он не видел. Но куда тогда они могли подеваться? Экипаж не птица и на крыльях не улетит. Выходит, этот хитрец придумал такое, что помогло ему беспрепятственно провезти Настю мимо станции, потому этот безмозглый старикашка-смотритель ничего и не заметил!

Ольга Ивановна вытерла набежавшие слезы. Если граф раздумал жениться на Насте, то эта ночь погубит репутацию ее дочери, даже если этот негодяй и не осмелится обесчестить ее. Ну а если и осмелится, то будет иметь дело с ней. Она – мать и не позволит ломать жизнь своей единственной дочери, своей надежде и отраде...

Тихий шорох под окном привлек ее внимание, и, взглядевшись в темноту, Меркушева вздрогнула. Под окном стоял человек и, подняв вверх белеющее в темноте лицо, наблюдал за ней. Кто бы это мог быть? Ольга Ивановна отступила от окна, но любопытство одолело страх, и она опять вернулась на прежнее место. Человек продолжал неподвижно и молча стоять внизу, теперь он не смотрел в сторону ее окна, но она по-прежнему не могла понять, кто это?

Райкович терпеть не мог вечерней сырости и прохлады, его и на вожжах не вытащишь прогуляться после наступления темноты. Фаддей, несмотря на романтические порывы, достаточно плотно поужинал и заявил во всеуслышание, что собирается поскорее лечь спать, так как непомерные волнения плохо влияют на его печень.

Ольга Ивановна захлопнула окно, вновь до конца выкрутила фитиль керосиновой лампы с закопченным стеклом и огляделась. Из всей мебели в комнате имелась широкая деревянная кровать, колченогий стул, опасный не только конфигурацией ножек, но и спинкой, которую заменяла плохо оструганная доска, да обшарпанный стол, никогда не знавший скатерти. Стены украшали погнутые гвозди такой величины, что невольно возникало подозрение: а не здесь ли заканчивают свой земной путь те страдальцы, которым вздумалось удавиться в петле по причине полного разочарования жизнью? Три крючка возле двери тоже были искривлены настолько, что ей с трудом удалось пристроить свой редингот и зонтик. Место шляпе нашлось только на столе, где она сейчас возлежала, напоминая по размерам и набору искусственных цветов и шелковых лент небольшую клумбу.

«Весьма жалкая комната, – вздохнула Меркушева. – Слава богу, что, кажется, нет клопов!» Стены были достаточно чисто выбелены, и непремный для большинства дешевых гостиниц орнамент из жутких коричневых пятен и полос – следов от раздавленных кровопийц – отсутствовал.

Она переоделась в ночную рубашку, накинула на плечи шаль и вновь подошла к окну. Стоявший внизу человек исчез, и Ольга Ивановна опять вздохнула. Конечно же, это не Андрей! Прошли те времена, когда он ночью тайно пробирался под ее окно и тихим свистом вызывал на свидание или просто бросал ей в руки букет сирени, в котором ее ждала очередная записка, слегка дурашливая, но полная нежности и любви. А разве можно забыть их встречи в дальнем конце парка, где он впервые поцеловал ее? Там они клялись в вечной любви, и там же она

прочитала то ужасное письмо от своей подруги, в котором сообщалось о похождениях Андрея в столице...

Нет, не стоит сокрушаться о том, что безвозвратно утеряно! Тем более граф даже не узнал ее, а Ольга Ивановна была не из тех женщин, которые *напоминают* о себе! Она была уверена, что сумеет справиться со своими чувствами, как это не раз бывало, и с тревогой подумала, что вновь отвлеклась от мыслей о дочери.

Всю дорогу до почтовой станции оба экипажа без конца поливал дождь, только недавно прекратившийся. И Ольгой овладело мрачное предчувствие, что все их поиски напрасны и что Сергей Ратманов не настолько глуп, чтобы не предусмотреть погони. Десятки проселочных дорог и объездных путей в запасе у этого мошенника, и вряд ли получится его быстро догнать, как они поначалу надеялись. К тому же он мог сменить экипаж, переодеть Настю, сам, наконец, переодеться в кого угодно и затем благополучно добраться до первой железнодорожной станции, а там ищи ветра в поле!..

За ее спиной глухо звякнуло оконное стекло. Ольга Ивановна испуганно оглянулась и вскрикнула от неожиданности. Человек, о котором она только что пыталась не думать, сидел на подоконнике, свесив ноги в комнату, и смотрел на нее, сконфуженно улыбаясь. Женщина запахла на груди шаль, протянула руку и сняла со спинки кровати халат. Ночной гость спрыгнул с подоконника, подошел к столику и по-хозяйски прикрутил фитиль лампы. Комната наполнилась мраком, и лишь небольшое мутно-желтое пятно отметило его передвижение по комнате. С лампой в руках Андрей подошел к Ольге и остановился напротив нее, пристально всматриваясь в лицо той, которую по молодой глупости и в угоду чрезмерному самолюбию потерял для себя навсегда.

– А ты совсем не изменилась, – прошептал он и неожиданно для себя протянул руку и коснулся пальцами женской щеки. – Такая же красивая! Очень красивая! – добавил он чуть более грустно и едва заметно улыбнулся. – Неужели ты не узнала меня, Оленька? В отличие от тебя, я не сменил свою фамилию.

Ольга Ивановна сжала руки в кулаки, уговаривая себя не волноваться, и это ей почти удалось. Лишь в конце фразы ее голос чуть дрогнул, заставив сердце Андрея забиться учащенно: нет, не забыла она его, и равнодушие ее показное, просто в ней до сих пор говорит уязвленная гордость и обида.

Женщина отступила на шаг и, опустив глаза, тихо произнесла:

– Почему же, узнала. Но вы, граф, усиленно делали вид, что видите меня впервые, и я не осмелилась напомнить вам о былом знакомстве. Думаю, это сейчас не так важно, и меня больше беспокоит судьба моей дочери, чем воспоминания юности.

– Оленька, – граф взял ее за руку и слегка сжал, – эти не совсем приятные события позволили нам встретиться вновь. И я смею тебя заверить, как бы сильно ни хотелось Сергею отомстить, он не ищет собственной смерти и тем более смерти твоей дочери. Он смелый и честный человек и не допустит, чтобы в его присутствии кто-то, хотя бы взглядом, обидел женщину, тем более его невесту.

– Ты думаешь, что он, несмотря ни на что, считает Настю своей невестой?

– Мой брат бывает вспыльчивым, но никогда – жестоким. Допускаю, что какие-то слова твоей дочери могли его вывести из себя, но скоро он одумается, признается ей во всем, и, возможно, уже завтра все проблемы разрешатся сами собой. В душе он очень хороший человек, Оленька, и не причинит твоей дочери никакого вреда.

– Как ты не понимаешь, – Меркушева попробовала отнять свою руку, но мужские пальцы только сильнее сжали ее, и она на время отказалась от попыток освободиться. – Он уже изрядно навредил Насте. Путешествие вдвоем, без слуг, а потом эта... – женщина перевела дух, – эта ночь вместе! Он же безнадежно скомпрометировал ее!

– Твоя дочь – взрослая девушка, и, надеюсь, у нее есть голова на плечах. Согласись, было бы во много раз хуже, если бы она уехала одна. Сейчас она под защитой Сергея, и, как я смею подозревать, не только гнев заставил его пойти на подобное сумасбродство. Не в его характере ходить вокруг да около, а тут вдруг решается на обман, называется чужим именем... Мне это кажется весьма странным. Даже ради больших денег он ни за что бы не позволил себе совершить бесчестный поступок. Поэтому вывод один, – Андрей неожиданно привлек Ольгу к себе и прошептал едва слышно: – Мой брат влюбился в твою дочь, и если она хотя бы немного похожа на тебя, то я несказанно ему завидую.

Ольга Ивановна попыталась отстраниться, но Андрей еще крепче стиснул ее в своих объятиях и прижался губами к ее приоткрытому от неожиданности рту. Женщина вздрогнула, напряглась и изо всех сил оттолкнула его от себя.

– Не смей подходить ко мне! – Она отскочила к кровати, подхватила шаль, которую сбросила перед тем, как надеть халат, и вновь накинула ее на плечи, словно пыталась тем самым спастись от прикосновения мужских рук.

– Но, Оленька, – растерянно произнес Андрей, – я не хотел обидеть тебя. Мы с тобой взрослые люди, к тому же любили когда-то друг друга. И вполне объяснимо, что мне вновь захотелось поцеловать тебя.

– Уходи немедленно! – Ольга Ивановна попыталась обойти Ратманова, но он молча заступил ей дорогу, потом решительно взял ее за руку, подвел к кровати и приказал: – Сядь и выслушай меня. – Он опустился рядом с ней на покрывало и усмехнулся ее очевидной попытке отодвинуться от него. – Не бойся, ничего дурного в мыслях я не держу, и, честно говоря, большего вреда, чем тот, который мы нанесли друг другу два десятка лет назад, уже никому из нас не причинишь.

– Ты сам во всем виноват! – прошептала Меркушева и почувствовала, что вот-вот заплачет. Она поспешно вытащила из кармана халата носовой платок, и это тоже не укрылось от глаз ее неожиданного визитера.

– Давай сегодня обойдемся без упреков! Ведь ты не захотела даже выслушать меня, не пожелала встретиться, когда я умолял тебя об этом. Почему ты поверила пустоголовой обезьяне, которая стремилась выскочить за меня во что бы то ни стало? И, как ты знаешь, она в этом весьма преуспела, потому что знала тебя как облупленную! Ольга, – Андрей опять взял ее за руку, – неужели ты до сих пор не поняла, что Варвара преследовала всего лишь корыстные цели и весьма ловко обвела нас с тобой вокруг пальца? Я запомнил твои сегодняшние слова о грязных слухах. Но ты, очевидно, забыла о том, что именно они разбили нашу любовь. Так неужели мы помешаем двум молодым людям разобраться во всем самостоятельно и позволим сплетникам поломать им жизнь?

– Андрей, – Ольга Ивановна накрыла его руку своей и смело посмотрела ему в глаза, – прошлое уже не вернуть. Не стоит беречь старые раны. Я знаю, что тебе надо скоро вновь жениться, чтобы не прозевать наследство. Поэтому забудем все, что было! Не тревожь ни себя, ни меня воспоминаниями, отправляйся спать, а завтра поутру решим, продолжать ли нам погоню дальше или оставить все в божьей воле.

– Но ты опять обманываешь и себя и меня! – вскрикнул Андрей чуть ли не в полный голос и, уже не обращая внимания на ее сопротивление, притянул женщину к себе и принялся покрывать поцелуями ее лицо и шею. И когда она, тихо простонав что-то в ответ, закинула ему руки за шею, припал жадным ртом к ее губам, таким же горячим и податливым, как в далекой юности...

Наконец они оторвались друг от друга, и граф, прижимая голову женщины к своей груди, ласково прошептал:

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но все эти годы я продолжал любить тебя без всякой надежды на встречу. Я ведь знал, что ты уехала вместе с мужем в этот богом забытый

Красноярск, – он горько усмехнулся. – В день вашей свадьбы я напился до положения риз и хотел застрелиться. Но Сережка, ему тогда было лет девять-десять, выследил меня, позвал на помощь моего камердинера, и тот, помнишь Гришку, скрутил меня в два счета и привез в охотничий домик, где неделю они вдвоем возились со мной, насильно кормили и поили, пока я полностью не очухался. Поэтому я ни за что не поверю, чтобы Сергей решился на этот побег из-за каких-то низких побуждений.

– Возможно, ты прав, – впервые за этот вечер согласилась Ольга Ивановна. – Моя Настя тоже не из тех барышень, которые очертя голову бросаются в приключения. Я плохо помню твоего брата, но все твердят, что он очень привлекателен. Вероятно, это могло сыграть определенную роль, но только не в случае с Настей. Она достаточно умна, чтобы клюнуть только на смазливую физиономию.

– Слава богу! Наконец ты что-то поняла! – вздохнул с облегчением Андрей, быстро поцеловал женщину в губы и едва слышно прошептал: – Давай теперь поговорим о нас с тобой. Расскажи, как ты жила все эти годы. Вспоминала ли меня?

– Поначалу вспоминала, чуть ли не поминутно ревела белугой и потому замужество восприняла лишь как средство забыть тебя. И мне это почти удалось, – Ольга все-таки не удержалась и всхлипнула. – Костя был замечательным человеком – ласковым, добрым и очень внимательным. Я сразу же рассказала ему о тебе, и, поверь, он ни разу ни в чем меня не упрекнул. И только теперь я понимаю, скольких трудов ему стоило выносить мои капризы, дурное настроение, мое нежелание видеть его. Костя справился со всем этим и даже заставил меня полюбить его, да так, что, когда он погиб, я не хотела больше жить... И только Настя удержала меня на этом свете. – Уже не стесняясь, она промокнула глаза и нос платком и с непонятной для нее самой робостью спросила: – Я слышала, что ты развелся с Варварой?

– В отличие от твоего мужа, я не смог вынести ее капризов, чрезмерное увлечение вином, а потом и кокаином. Возможно, потому, что никогда не любил ее.

– Но, насколько я теперь понимаю, твои родители все равно бы не позволили нам пожениться. В невестки им была нужна Варвара, а не девчонка, у которой и приданого-то приличного не было.

– Вспомни, как я умолял тебя о встрече? Я был готов обвенчаться с тобой без родительского благословения, и согласишься ты меня выслушать, то Настя была бы нашей дочерью.

– Не стоит говорить о том, что невозможно, – Ольга Ивановна осторожно и ласково погладила его по руке. – Иди спать, Андрюша. Все ушло безвозвратно, у тебя своя жизнь, у меня – своя...

– Позволь поинтересоваться, какое место в твоей жизни занимает Райкович?

– Я уже отвечала на твой вопрос: никакое! Я его терплю постольку поскольку, и, не будь он другом Кости, его ноги бы в моем доме не было!

– Но он, похоже, питает к тебе определенный интерес!

– Побойся бога, – рассмеялась женщина. – Об этом и речи не может быть. Да и тебе никакого дела не должно быть до меня, тем более до моих знакомых.

– Конечно, – согласился Ратманов, – если бы ты не была той женщиной, которую я когда-то до безумия любил и которая с необыкновенной легкостью отвергла меня, только потому что поверила гнусной клевете.

Ольга Ивановна поднялась с постели и сверху вниз посмотрела на графа.

– Спокойной ночи, ваше сиятельство! Уже слишком поздно, а завтра нам рано отправляться в путь. Прошу вас, покиньте мою комнату.

– И не подумаю, – Андрей притянул к себе подушку и, облокотившись на нее, прилег на постель. – Я не уйду до тех пор, пока ты не пообещаешь, что не будешь строить глазки Фаддею и выгонишь этого сморчка Ратибора. Скажи, он случайно не еврей?

– Случайно, он болгарин, – сердито ответила Ольга Ивановна и попыталась столкнуть графа с постели. – Убирайтесь немедленно!

– Как прикажете, сударыня! – Андрей рассмеялся и вдруг схватил ее за обе руки и резко дернул на себя. Охнув от неожиданности, женщина упала ему на грудь, и в ту же минуту он ужом вывернулся из-под нее и прижал к постели. – Можешь думать обо мне что угодно, но я не хочу уйти просто так. Знаешь, за двадцать лет я очень соскучился по тебе!

– Вы с ума сошли, – прошептала Ольга Ивановна и попробовала освободиться, но мужские руки, будто тисками, сжали ее запястья, и она с негодованием произнесла: – Оставьте меня в покое. Вам, граф, есть куда приложить свои усилия. Я всего лишь вдова, а вам нужно непременно найти молоденькую жену, чтобы успеть ей сделать ребенка. А то в ваших закромах, я полагаю, как раз бабкиного наследства не хватает!

– Прекрасно! – прошептал ей на ухо граф. – Твоя пылкая речь лишний раз подтвердила, что тебя безмерно волнует моя женитьба. Но до нее еще как до луны пешком. А я хочу тебя сейчас, – его рука скользнула вниз по женскому бедру, захватила край халата и медленно поползла вверх. – Оля, – прошептал он, задыхаясь, – сознайся, мы многое потеряли, отказавшись друг от друга.

– Убирайтесь прочь! – чуть не рыдая, закричала Ольга Ивановна и все-таки исхитрилась, столкнула Андрея и вскочила на ноги. – Вы жалкий негодяй, и я лишний раз убедилась в том, что для вас нет ничего святого! – Она отошла к окну, потирая запястья. – Теперь я не удивляюсь, в кого пошел младший братец. – Открыв окно, она гневно посмотрела на Андрея. – Уходите, как пришли. Я не хочу, чтобы вас заметили в моей комнате.

– Ты собираешься вечно хранить верность покойному мужу? Но это же глупость! Ты молодая, красивая женщина...

– Позвольте обойтись без ваших советов. – Ольга Ивановна отвернулась, чтобы скрыть набежавшие на глаза слезы. – Уходите скорее, умоляю вас! – И когда Андрей, перекинув ноги за окно, ухватился за карниз, чтобы спуститься вниз, добавила: – Дайте слово, что никогда более, и на людях особенно, не напомните мне о прошлом.

Андрей мгновение смотрел на нее, потом скривил губы в презрительной усмешке и, не ответив, скрылся за окном.

Глава 8

Завидев околицу села, всадники спешили. Сергей внимательно оглядел свою спутницу и сказал:

– Думаю, вам не стоит появляться в селе. Я поеду один, найду старосту, заявлю о случившемся, а потом постараюсь купить что-нибудь из еды и, наверное, одежду. Если мы не перенесемся, то будем выглядеть белыми воронами в этой глуши.

– Фаддей, – Настя испуганно вскрикнула, – а где мой саквояж?

– Там же, где и мой портплед – остался на хуторе, – граф удрученно развел руками. – Вероятно, до сих пор валяется во дворе.

Девушка закрыла лицо руками и горько расплакалась.

– Все пропало! Что же мне теперь делать? – всхлипывала она.

Сергей обнял ее за плечи, погладил по голове.

– Вы везли в нем что-то очень ценное?

– Геологические образцы. Папа наказывал беречь их как зеницу ока, а я их потеряла... – Слезы полились потоком, и девушка уткнулась лицом в грудь Сергея. – Я должна была показать их папиному брату в Казани.

– Ничего не понятно, – граф подвел ее к одному из стогов сена. – Давайте сядем, и вы мне все более доходчиво объясните.

Девушка послушно опустилась на охапку сена рядом со своим спутником, но заговорила не сразу, раздумывая, стоит ли доверять этому человеку тайну, о которой не знала даже матушка.

Фаддей смотрел на нее спокойно, его рука бережно гладила ее руку. До сих пор он был внимателен к ней и на хуторе защищал с беспримерной смелостью. В конце концов, ей нужен кто-то, на кого она могла бы опереться, а поэт уже доказал, что на него можно положиться. Она вздохнула и нерешительно улыбнулась.

– Хорошо, я вам расскажу, но пообещайте мне, что никто больше об этом не узнает.

– Слово дворянина, это вам о чем-то говорит?

– Надеюсь, что вы его сдержите. – Настя помолчала некоторое время. – Для человека несведущего это простые камни, но для геолога они много значат.

«Понимаю, – хотел было сказать граф, – ведь я два года изучал минералогию в Оксфорде», но вовремя спохватился: сейчас он – Фаддей, а тот не проучился и года в Московском университете и был изгнан из него за чрезмерную леность. Поэтому предпочел уточнить:

– Это как-то связано с гибелью вашего отца?

– Возможно, – прошептала девушка. – Неделю назад недалеко от нашего дома ко мне подошел странный человек. Он передал мне мешочек с кусками кварца, путевой дневник моего отца и небольшую записку, написанную, без сомнения, папиной рукой, в которой он просил меня непременно, в случае его смерти, показать эти образцы профессору Нагуманову, который преподает в Казанском университете. Дядя Равиль был воспитанником моего деда и учился за его счет вместе с моим отцом в Петербургском университете. Никому более, даже маме, отец не велел говорить об этом.

– И вы не знаете, почему он принял такие предосторожности?

– Не знаю, но могу догадываться. Он боялся, что кто-то узнает о документах, вероятно, это связано с его последней экспедицией.

– Насколько я понимаю, он был геологом?

– Да, и каждое лето уезжал в тайгу, в горы. Мама сердилась, к тому времени он уж мог не заниматься изысканиями. У нас был хороший управляющий, а в конторе работало несколько опытных геологов, но ему непременно нужно было увидеть все самому. И, как мне кажется, он

просто не умел жить без тайги. После каждого возвращения он первую половину зимы вспоминал о прошлой экспедиции, а со второй половины начинал готовиться к новой. В нашем доме, в Красноярске, постоянно жили какие-то бородатые мужчины, некоторые из них выглядели жутковато. В прихожей всегда пахло дымом, махоркой, лошадьми... А что начинало твориться весной, вы себе не представляете, Фаддей! Число гостей утраивалось, дом превращался в какой-то походный лагерь, и мама лишь хваталась за голову, когда обнаруживала в гостиной очередного папиного приятеля спящим под облезлым полушубком на лучшем персидском ковре. Особенно этим увлекался Курей, папин проводник. Он был из минусинских татар и часами мог сидеть около камина, курить свою длинную трубку и что-то монотонно, так тоскливо-тоскливо, напевать. Иногда он внезапно принимался молиться своим богам, хотя и был крещен в свое время. Говорят, его дед был шаманом, поэтому перед экспедицией он всегда совершал ритуальный танец, который якобы отгонял злых духов, бил в огромный бубен, а потом приносил жертву – кровь молодого барана выливалась в огонь, и, несмотря на ужасный смрад, папа запрещал мешать ему в чем-либо. Курей был его кровным братом. Еще до моего рождения он спас папу от медведя-шатгуна. После этого они были вместе во всех экспедициях, – она вытерла сбежавшую по щеке слезу. – Они и погибли вместе.

– Как это случилось, Настя? – Сергей привлек девушку к себе. Она доверчиво посмотрела на него.

– Об этом мы знаем только из рассказов Райковича, – вздохнула она.

– Райковича? – удивился Сергей. – Это не тот ли Райкович, у которого в Москве антикварный магазин? Никогда не думал, что он увлекается геологией.

– В последние три года перед папиной гибелью он не пропустил ни одной экспедиции. Сам он не геолог, но изучал в университете историю, а на юге губернии множество древних захоронений. Возможно, он приобретал какие-то древности. Отец как-то говорил, что Ратибор никогда ничего не делает просто так. Я как-то случайно через окно увидела, как он рассматривал две золотые фигурки барса и оленя, определенно из могильника. Местные жители промышляют грабежом курганов. А в том районе, где отец проводил последнюю экспедицию, по слухам, расположена древняя, еще домонгольская крепость, но точного ее местонахождения никто не знает. Вот поэтому, наверное, Райкович и увязался за отцом. Другого объяснения я не нахожу, – Настя вздохнула. – В тот раз папа задержался в тайге до октября. Мы до сих пор не знаем, по какой причине он рассчитал всех рабочих еще в начале сентября и вместе с Куреем и Райковичем отправился к истокам реки Чирвизюль. Там они пробыли более месяца, но в горах выпал снег, и им пришлось возвращаться обратно. Лыж у них не было, поэтому они срубили плот, несколько дней спускались на нем по реке, но потом попали в порог. Плот разбило о камни. Отец и Курей сразу ушли под воду, а Райковичу повезло выбраться на берег. Но ему вряд ли бы удалось спастись, человек он не таежный. Да и опытному таежнику без теплой одежды, без спичек, без еды пришлось бы тяжело. Правда, у него осталось ружье и несколько патронов, но, кроме кедровки, он ничего не сумел подстрелить. Но ему повезло, через три дня он вышел к избушке охотника-промысловика, и тот на оленях вывез его из леса. Никаких документов, ничего не сохранилось после гибели отца. И вот через два года откуда-то появляются эти образцы, полевой дневник, но записи в нем частично зашифрованы, это особый код, которым, кроме папы, владеет лишь дядя Равиль.

– Почему бы вам не расспросить Райковича и о маршруте, и о целях, которые преследовал ваш отец, когда отправлялся в экспедицию?

Настя пожала плечами.

– Дело в том, что после возвращения в Красноярск он долго болел. Он сильно повредил ногу в тайге. Она стала у него сохнуть, да и с головой не все было в порядке. Ничего из того, что было с ними до крушения плота, он не помнит и даже приблизительно не может назвать район,

в котором они занимались поисками. Истоки Чирвизюля находятся в горах, кругом болота, непроходимая тайга, шли они пешком, потому что для лошадей там пути нет.

– А что они искали, если не секрет?

– Неужели не понятно? – девушка удивленно посмотрела на него и слегка пожала плечами. – Это очень перспективный район в плане золота, я ведь говорила, что папа владел несколькими приисками. Один он даже назвал моим именем, а другой – маминым.

– Что же вы не расспросили того человека, откуда у него взялись эти образцы?

– Я просто-напросто растерялась. Он быстро сунул мне в руки мешок, и не успела я рта раскрыть, как он словно испарился. Я думаю, он чего-то боялся. А на следующий день мы обнаружили, что исчезли некоторые папины бумаги, в основном письма. Неизвестно кто проник ночью в мамин кабинет и вскрыл сейф. До сих пор не пойму, кому понадобились письма, которые отец писал маме?

– Вы уверены, что профессор сумеет прочитать записи вашего отца? Да и возможно ли с помощью одних только образцов пород определить место, где он побывал?

Настя с видимым сожалением посмотрела на него и произнесла, слегка улыбувшись:

– Сразу видно, что вы никогда не имели дела с геологией. Мы знаем примерный маршрут, у нас есть, правда не совсем законченная, геологическая карта, составленная отцом немного раньше, и есть доля вероятности, что дядя Равиль сумеет определить перспективность месторождения, которое, несомненно, обнаружил отец, по его записям и этим образцам. Я, конечно, недостаточно в них разбираюсь, но, судя по всему, он вышел на рудное золото.

– Настя, а если саквояж пропал и я не смогу его найти? – спросил осторожно Сергей.

– Тогда в следующее лето я сама отправлюсь в экспедицию и все-таки отыщу это чертово месторождение! Непременно найду! Пускай прошло два года, но следы должны остаться. Зарубки на деревьях, шурфы, наконец... – Настя слегка нахмурилась и серьезно посмотрела на Сергея. – Надеюсь, вы понимаете, почему я так настроена против графа. Мне нужен человек, который не побоялся бы отправиться вместе со мной в тяжелейший маршрут. Это ведь десятки, даже сотни верст по тайге, ночевки под открытым небом, постоянные дожди, мошкара, слепни... Изнеженным светским красавчикам там и двух дней не выдержать.

– А женщина разве способна вынести такое?

– Я трижды бывала в отцовских экспедициях, первый раз в двенадцать лет, и ни разу не дала повода, чтобы меня упрекнули или отругали за что-то. У меня были свои обязанности, и я изо всех сил старалась их выполнять как можно лучше.

– Теперь я понимаю, где вы научились так ловко обращаться с пистолетами.

– Папа многому меня научил, и прежде всего тому, что без оружия в дальнюю дорогу не отправляйся.

– Ну что ж, это оказалось как нельзя кстати. – Сергей улыбнулся и поднялся на ноги. – Теперь я попытаюсь выполнить свой долг и непременно отыщу ваш саквояж.

Девушка тоже вскочила на ноги и схватила его за руку.

– Одного я вас не отпущу! – воскликнула она.

– Настенька, – Ратманов ласково коснулся ее щеки, – я не из тех, кто ступает в воду, не зная броду. Во-первых, я, как и обещал, отыщу сейчас старосту, во-вторых, попрошу у него мужиков в помощь, надо этих лихих ребят захватить, иначе до появления полиции они успеют улизнуть!

– Фаддей, прошу вас, будьте осторожнее! – Настя подала ему свой пистолет и достала из кармана большой кожаный кисет. – Возьмите, это папин. В нем патроны. – И, опустив глаза, добавила: – Я буду сильно беспокоиться за вас.

Сергей задумчиво посмотрел на нее и тихо сказал:

– А ведь все могло быть иначе...

– Иначе? – спросила озадаченно девушка. – Что вы имеете в виду?

– Знай я заранее, какая вы чудесная девушка, обязательно внушил бы графу, что с каждой минутой задержки в пути он рискует потерять свою невесту навсегда. И вместо того, чтобы прохладиться в карете, он бы полетел к вам на крыльях, стараясь ускорить встречу...

Настя ощутила его дыхание на своей щеке, и странный озноб заставил ее вздрогнуть, хотя солнце поднялось уже высоко и хорошо прогрело воздух. Но мужская рука, неожиданно прохладная, коснулась ее разгоряченной кожи, тело покрылось мурашками, и Настя почувствовала, что ей трудно дышать.

– Вам нравится шутить надо мной? – Она смотрела вопросительно и чуть испуганно. Губы Сергея находились в опасной близости от ее лица, и Настя чувствовала, что, стоит ей пошевелиться, молодой человек поцелует ее.

Но, боже правый, она не должна этого допустить! Девушка попробовала отодвинуться. Но Сергей ласково коснулся ее подбородка.

– Настя, я не имею права поцеловать вас снова, но позвольте сказать о том, как сильно я хочу этого, – он медленно обвел кончиками пальцев контуры ее рта. – Вы поразительное создание, и, боюсь, граф Ратманов недооценил вас, думая, что женится...

– ... на провинциальной идиотке, которая будет заглядывать ему в рот и радоваться, что он изредка возвращается домой не под утро? – продолжила его бывшая невеста и, посмотрев на него исподлобья, рассерженно добавила: – Пообещайте мне никогда более не упоминать имени графа. Мне это крайне неприятно. Тем более это не тот человек, о котором следует вспоминать чуть ли не поминутно!

Сергей опустил руку. Кажется, дела зашли слишком далеко, и у него все меньше шансов завершить без особых для себя последствий авантюру, в которую он так безоглядно ввязался. Он жаждал мести, стремился к скандалу, не подозревая, что вскоре его поступками будет двигать уже не обида, а внезапный интерес к этой удивительной девушке, иногда пугавшей его непривычной резкостью суждений и в то же время притягивающей своей независимостью и смелостью.

– Ваше желание для меня закон! – Сергей шуточно выпятил грудь и взял под козырек. – Рад стараться, ваше высокоблагородие!

– Фаддей, простите меня, но нужно спешить! Не дай бог, эти выродки сбегут и захватят с собой саквояж.

– Не беспокойтесь, камни они с собой не понесут, а вот документы действительно могут исчезнуть. – Сергей снял пальто и шляпу и бросил их на сено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.